

A man in a dark coat and light-colored pants stands with his back to the camera, looking into a dark, arched doorway. The doorway is framed by stone columns. Inside the doorway, a dark green door is visible with a small yellow sign that says "или". The scene is dimly lit, with some light coming from the left, casting a shadow on the ground.

**Очерки из жизни
одинокого студента**

или

**довольно странный
путеводитель по Милану
и окрестностям**

Филипп Кимонт

18+

Филипп Кимонт

**Очерки из жизни одинокого
студента, или Довольно
странный путеводитель по
Милану и окрестностям**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70095424
SelfPub; 2023*

Аннотация

Северная итальянская столица – холодный и дождливый Милан – едва ли сравнится в популярности с городами-символами Италии, сами знаете какими. Что мы о нем знаем? Ла Скала, шопинг, Дуомо – пожалуй, и все. Но судьба забросила автора, тогда еще беззаботного студента, именно сюда, в один из старинных университетов города. Для чего? Точно не для учебы, решил он после первого учебного дня и отправился в свое путешествие по городу и окрестностям, затянувшееся на два с небольшим года. Почему так недалеко? Потому что на лекции все же надо было забегать. Как человек с фантазией, он решил, что за потрепанными клише должно скрываться что-то стоящее. И оказался прав! Старый город не только развернул перед ним свою неповторимую, бурлящую, неведомую туристам жизнь, но и приоткрыл завесу прошлого. Теперь и вы узнаете, где

в Милане выпить кофе с Магомаевым и поужинать с Суворовым, как попасть на день рождения к графу-режиссеру, покорить итальянский Эверест и найти последних альпийских аборигенов.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Очерки из жизни одинокого студента	11
Возвращайся, русский!	16
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	23
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	25
НАКОНЕЦ, ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, ОНА ЖЕ	27
ПОСЛЕДНЯЯ	
Понаехали	31
Пальто эмигранта	34
Миланские дворы	37
Сравнение с московским двором	39
Выходя на след фельдмаршала	41
Мой Суворов	43
Суворов в Милане	47
Ресторан им. Суворова	50
Городские сумасшедшие	59
Двое в ночи	62
Наконец к ним, нашим героям	64
Тайна гор	70
И снова в наш автобус	73
Мой друг Хироки	76
Моя хозяйка	78
Про эффективность	80

Билет в один конец	82
Стражи порядка	84
Театр в трамвае	87
Кофе с Магомаевым	89
Наконец, возвращаясь к Хироки	93
Путь самурая	94
Немного лирики	102
Чем же закончилось наше путешествие в Цюрих	104
День рождения Лукино	105
Милан до урбанистов	108
Отчего я не «октавист»?	110
Возвращаясь к Лукино	113
Таинственный потомок	116
Почти конец...	123
Северянин в Неаполе	125
И снова к Неаполю	130
...Антонио Де Куртиз	133
Время соборов	138
Полдень в соборе	142

Филипп Кимонт
Очерки из жизни
одинокого студента,
или Довольно странный
путеводитель по
Милану и окрестностям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здравствуй, дорогой читатель! Кажется, тебе и правда нечем себя занять этим вечером, раз уж ты открыл эту книгу. Если тебя хватит на то, чтобы добраться хотя бы до третьего рассказа – считай, ты потерянный для общества человек. Погрузившись в эти милые, но страшно легкомысленные рассказы, ты распишешься в своем нежелании бежать в ногу со временем, эффектно жить и эффективно работать. Страшно представить, но ты признаешь свою неспособность активировать свои внутренние энергии и наконец встать с дивана, чтобы уже через месяц стать счастливым и богатым.

Сиди, пожалуйста, не вставай! Я хочу сказать, что очень рад этому. Но об этом после. Теперь для тех, кто еще колеблется, не бросить ли эту книжку подальше и поскорее заняться саморазвитием (или на крайний случай медитацией). Официально, хотя и с некоторым сожалением, заявляю: эта рукопись не содержит инструкцию по исследованию твоего мозга, не наполнена «лайфхаками» по управлению чудо-бизнесом, и едва ли развлечет лихо закрученным сюжетом про роковую любовь, головокружительную измену, немислимые интриги, заговор и, наконец, мировую бойню между людьми моря и людьми суши, поджидающую наш прекрасный мир уже в 202...-м году.

Пока я окончательно не потерял тебя, дорогой сомневающийся читатель, замечу в свое оправдание, что, прежде чем решиться пополнить своими искренними излияниями и так уже трещащее по швам информационное пространство нашей бедной планеты, я старательно исследовал, что называется, тренд. В какой-то момент я понял, что все-таки не попадаю не только в него, но даже и в «антитренд», что, в сущности, ничем не хуже и даже сыграло многим на руку. Моя же рукопись представилась мне где-то на обочине. Пройдет кто-нибудь скучающий, поднимет, перелистнет страницы, ухмыльнется и, отбросив, пойдет скучать дальше.

И вот, чтобы сразу же по выходе не попасть прямиком в макулатуру – я, сделав над собой некоторое усилие, все-таки посвятил понятию «эффективность» целых несколько глав

подряд (в основном, по части экономии). Эта та тростинка, которая должна удержать меня на поверхности хотя бы до прихода нового тренда, решил я тогда. Что же ты думаешь, в тот же день я получил предложения сразу от нескольких довольно известных издательств, где, даже не читая моей рукописи, мне предложили напечататься самому. Я настаивал, чтобы все же прочитали, перед тем как публиковать, но в ответ получал лишь ссылки на оплату.

Как бы то ни было, в тот вечер я заснул почти знаменитым. А на утро понял, что разговаривал с чат-ботами. Страшно раздраженный, в ультимативной форме написал им всем, что заплачу только тому, кто прочтет мою книгу. Внизу специально приписал: «От автора. Лично в руки главреду». Но роботы только промолчали. Видно, не наделили их такими полномочиями. Молчал и я. А потом подумал – на то я и человек, чтобы находить компромиссы. И решил опубликовать себя там, где бесплатно. Пожалуйста, не читайте, господа редакторы, но и от меня не получите ни цента! Как-то так.

Но мы отвлеклись. Этот, по меткому выражению классика (тоже хлебнувшего в свое время от издателей), «сумрачный лес» пройден и теперь мы можем спокойно поговорить о нас с тобой, дорогой читатель. Надеюсь, со мной остались еще любители Италии – те, кто еще держит в руках эту книжицу исключительно в силу своей любви к

«настоящей» пище, капучино и вечно молодому Челентано (дай Бог ему здоровья). Так вот, должен сразу предупредить

дить, что они не найдут здесь модных советов о том, где провести незабываемый weekend, чем насладиться по его ходу и как на всем этом сэкономить. Помимо любителей есть еще, конечно, и ценители: их может удерживать здесь привязанность к просекко, прошутто крудо и, предположу, неотразимому Мastroяни. Ценителям мои советы едва ли будут полезны. Остаются только настоящие знатоки со своей верностью набору из Aperol Spritz на аперетив, лимончелло на диджестив и великим Антониони посередине. Знатоки могут смело усмехнуться мне в лицо, поскольку сами с большим успехом издают, пишут и советуют в прямом эфире, как же все-таки провести свой итальянский отпуск, так, чтобы и не забыть, и не остаться без штанов.

Поэтому автор злонамеренно избегает раздавать подобные авторитетные советы, тем более что за два года жизни в этой стране он столько раз оставался, мягко скажем, в дураках (особенно по части экономии), что некоторые байки и теперь, спустя уже 6 лет, продолжают бродить по университетским аудиториям и уютным тракториям – от Альпийских предгорий и Паданской равнины до теплых вод Мессинского пролива. Начинаются они обычно со слов: «Был тут один...»

Цель же скромного автора – провести тебя, дорогой читатель, за собой, по той удивительной обыденности итальянской жизни, которая недоступна туристам и малоинтересна местным. Он не относил себя ни к первым, ни ко вторым и поэтому имел счастливую возможность творить свою соб-

ственную, уникальную «обыденность».

Она вдруг возникла из гремучей смеси нестройных мыслей, несусветных фантазий и романтических суеверий, гуляющих по его, тогда еще пустоватой голове, а также из свободного времени, дарованного учебой и беззаботностью, подаренной родителями. Исчезла же она так же неожиданно, как и появилась, с его последним вылетом на родину.

Poscritto: Автор, искренне старался не упустить счастливую возможность созерцать эту прекрасную нацию изнутри, но вот кого он созерцает больше: итальянскую нацию или себя с итальянской нацией на фоне: судить тебе, дорогой, оставшийся со мной читатель.

Очерки из жизни одинокого студента

В студенческие годы моей жизни в Милане мне не раз приходилось возвращаться домой поздним вечером. Учеба, избранная умом, но не сердцем, каждый раз оставляла в душе неясное чувство неудовлетворенности от прожитого дня. Маленькая комнатуха, которую я снимал у сердобольной женщины, располагалась в модном здании, выходящим на довольно узкую, но необычайно шумную кольцевую автодорогу города. Плетясь вдоль нее в свою обитель, я часто думал, что город никогда не замечает приближения ночи. Он продолжает бодрствовать и буйствует с необычайной энергией и как будто досадой на упущенные в полдень часы дремоты. Сияя слепящими огнями, он гудит, рычит и оглушает, будто желая наверстать потерянное время.

Наощупь сворачивая в свой двор, я отмечал, что скверы и дворы не разделяют настроения города. Здесь безраздельно царят положенные временем покой и тишина. С ночью здесь никто не тягается, и сумрак полноправно заполняет собой все пространство. Кажущийся далеким гул борьбы непокорного города вызывает здесь искреннее удивление. Каждый раз не уставая этому удивляться, я незаметно

для себя доходил до дома и поднимался в комнату, где меня встречали те же сумрак и тишина.

Комнатушка моя была устроена таким замысловатым образом, что единственным местом, где можно было протянуть ноги, не сгибаясь в других конечностях, была кровать. Благодаря этому своему свойству она пользовалась несомненным преимуществом перед другими местами моей обители. Ложившись так, не разоблачившись, я устремлял невидящий в темноте взгляд на часы, что висели напротив. От времени укрыться невозможно, и если ты не видишь часы – ты их обязательно слышишь. Вот и я будто слышал их тикающий голос: «Ma che vergogna, meschino studente, straniero noioso! Mente altri si divertono, tu stai a letto, un miserabile immigrato, e stai perdendo il mio tempo prezioso!»¹.

И вот однажды, в очередной раз выслушав эту, местами непонятную, но все равно довольно обидную реплику, я положил, что так продолжаться не может. Восстав, я переместился в ванную.

Я забыл упомянуть, что вместе с комнатой внаём мне в качестве бонуса досталась личная ванная – у хозяйки была своя. Оба мы таким образом имели счастливую возможность пользоваться абсолютной приватностью и «душевным» спокойствием – тебя никто не потревожит в минуту задумчиво-

¹ И как тебе не стыдно, горе-студент, унылый чужестранец! Пока другие веселятся, ты лежишь здесь, жалкий иммигрант, и теряешь даром мое драгоценное время!

сти, нередко посещающую мыслящего человека в такого рода помещениях. Так вот, в этой самой ванной комнате, довольно просторной, помимо известных мне предметов находилось биде, о предназначении которого, я имел тогда довольно смутные представления.

Несмотря на приватность, оставаться подолгу в ванной без особой причины все же было странно – не только по общепринятым нормам (умный человек на них плюет²), но и по моему личному, внутреннему убеждению. В комнату с говорящими часами мне возвращаться не хотелось. Поэтому, чтобы оправдать своё неприлично продолжительное отсутствие, необходимо было придумать какую-нибудь хоть немного приличную деятельность. Дабы не залезать каждый раз в душ и не начищать без конца зубы, я придумал нечто, что можно было бы охарактеризовать как «парение ног в биде». И что вы думаете – попробовав однажды, я возблагодарил небо, пославшее мне столь удачную мысль!

Следует, однако, пояснить принцип этого занятия. Одолжив старинное кресло из гостиной своей хозяйки, я располагался в нем поудобнее и опускал ноги в биде, предварительное наполненное до краев самой горячей водой, которой располагало миланское ЖКХ. С этого момента начиналось нечто таинственное и трудно постигаемое.

Окутанный горячими испарениями, я терял всякую связь с внешним миром, и время, этот вечный бич мечтательных

² Прим. автора.

натур, наконец теряло надо мной свою власть. Город снаружи почтительно замирал и обращался в темные, погруженные в безмолвие очертания; квартира за дверью ванной вместе с ее немногочисленными обитателями превращалась в непроглядный, почти осязаемый мрак. И лишь тусклый свет старинной лампы в моей ванной оставался единственным источником жизни в этом огромном, безжизненном мире. Иногда мне казалось, что если моя хозяйка случайно зайдет в этот момент внутрь ванной комнаты, озадаченная необычайно повышенной влажностью своей квартиры по ночам, она, как фаустовский дух, спросит с коварной улыбкой: «*Wer ruft mir?!*»³.

Погруженный в размышления о призрачности сущего, я наблюдал, как пальцы на ногах, оставленных мною в бурлящей воде, в какой-то момент отказывались шевелиться. Меня это почему-то забавляло и я, ничего не предпринимая, ждал, пока откажется шевелиться вся нога. Несмотря на мое упорство, достойное маркиза Де Сада, этого почему-то не случилось, зато ноги становились такого цвета, что начинали напоминать раков из моего детства, которых мы с деревенскими пацанами ловили в кристальной воде нашей речки, а затем варили.

Однако этот эксперимент, страшно увлекавший меня, никогда не удавалось довести до конца: видимо, в какой-то мо-

³ «Кто звал меня?» Перевод с немецкого. В. Гете. Фауст.

мент в доме заканчивалась горячая вода и из крана начинала литься холодная. Опухшие ноги этого не чувствовали – я понимал это по постепенному редению пара вокруг себя. Победённый, но не сломленный, я вынимал их из биде. Напрочь глухие к благородству моего жеста и как будто мне в отместку, ноги неожиданно отказывались меня держать. Делая вид, что мне это, по сути, безразлично, без их помощи я кое-как выползал из ванной в направлении своей комнаты. К счастью, единственными зрителями окончания моих бальнеопроцедур были бодрствующие в этот час коты хозяйки. Оба взирали на меня молча и бесстрастно.

После, лежа в полуобморочном состоянии в гробовой тьме своей комнаты, я чувствовал, как жизнь медленно, но верно возвращается в мои многострадальные ноги, вновь наполняя их способностью шевелиться и, самое главное, повиноваться мне. Завтра на рассвете они как ни в чем не бывало вновь понесут меня к первой паре и посадят за парту. Я лежал и думал, что по возвращении со скучной учебы я непременно снова погружу свои две бедовые в дымящееся биде и опять, как прежде, буду глядеть на них и вспоминать родную речку, раков и пацанов.

Возвращайся, русский!

Одним из красивейших мест итальянского севера по праву считается озеро Комо. Расположено оно на стыке Паданской равнины и Альпийских предгорий. Всего какой-нибудь час езды из шумного и пыльного Милана, и ты оказываешься в другом мире. Вода цвета неба окаймляется тонущими в зелени берегами и разбросанными по ним живописными виллами. Наверно, самая живописная из них – вилла Бальбьянелло. Находится она в глубине озера, никакой поезд до нее не доедет. Приходится пересаживаться на автобус, который с ветерком и визгом давно отработавших свое шин донесет тебя до места по дороге, проложенной между горными утесами и водами озера. Назвать эту дорогу дорóгой, конечно, опрометчиво. Несмотря на предполагаемое двустороннее движение, сказать, что в некоторых местах автомобили проходят «впритирку» – не сказать ничего. Когда же несется автобус, встречным машинам лучше вплотную прижаться к обочине и притвориться припаркованными. Самим же счастливым обладателям личных авто можно посоветовать только зажмурить глаза и смиренно ждать своей участи. Автобус их обычно милует, однако каждый раз напоминает, что счастье – штука относительная.

Ну, вот вы и добрались. Местечко называется Ленно. От

красоты пейзажей, расстилающихся во все стороны света, перехватывает дыхание. И если вам скажут, что именно в этих благословенных местах был расстрелян главный фашист Италии – суровый Муссолини, вы поверите, только открыв дома Википедию.

Вот тут начинается довольно затянутая, прозаичная, но зато безупречно правдивая история, не обещающая читателю ничего, кроме разочарования в человеческой природе. Разочаровываться будем с вами вместе, поскольку речь пойдет не обо мне, а об одном моем приятеле, которого я знал довольно близко. Случись такое со мной – я бы никому об этом, конечно же, не рассказал. А приятель не обидится.

Так вот мой приятель, тоже не поверил в байку про Муссолини. Поэтому, даже не думая о том, чтобы найти эту пропитанную кровью Дуче стенку, он сразу отправился на куда менее мрачно известную виллу Бальбьянеллу. Побывав на экскурсии, единственное, что он запомнил из ее многовековой истории это то, что построил ее кардинал, а досталась она в конце концов сыну крупнейшего итальянского промышленника, большому романтику и эстету. Благо, сын промышленника мог себе позволить эти два качества. Чувство красоты его с избытком проявилось в генеральной реконструкции виллы, доставшейся ему в весьма ветхом состоянии. От ветхости не осталось и следа, когда в дом внесли люстры и канделябры, выкупленные из Лувра. Отремон-

тировав виллу, итальянец принялся за удовлетворение своих романтических чувств. Однако, вопреки тому, что дорогой читатель мог подумать, удовлетворял он их в бесконечных путешествиях во все края света и в покорении самых высоких вершин нашей планеты, благо, он не был женат и мог себе это позволить⁴. Самую высокую вершину он, лично, однако не покорил. Перед последним переходом, когда до пика, высотой без малого 8850 метров, оставалось рукой подать, итальянец, видно, не удержался и решил откупорить за успех экспедиции коллекционную бутылочку Barolo⁵, припасенную им специально для этого случая. Его попутчики деликатно отказались, поскольку памятовали, что на такой высоте алкоголь противопоказан. Он же, будучи верным сыном своего отечества, напомнил им, что вино на их родине не считается за алкоголь, и у всех на глазах опрокинул бокал (также припасенный для этого случая) благородного напитка. Давление его подскочило и врачи, не успевшие вовремя отнять бутылку, аккуратно уложили его в палатке – ожидать, пока скучные трезвенники вернутся с вершины⁶.

⁴ Гвидо Мондзино возглавлял в 1973 году первую итальянскую экспедицию на Эверест.

⁵ Точное наименование вина нам неизвестно. Может, и Barbaresco.

⁶ Ну вот и первое (пусть и сомнительное в отношении фактов) употребление вина, едва ли осужденное автором, на родине которого вино постановили признать алкоголем. Как сказал один итальянец: «Мы осуждаем алкоголизм, но очень любим вино». Нам такая казуистика недоступна, поэтому смиренно принимаем страшный приговор под названием «18+».

Нужно сказать, что в то время мой приятель чувствовал себя не меньшим романтиком и эстетом, чем последний владелец виллы. Однако, несмотря на довольно нелепую необходимость посещать учебное заведение, он активно, насколько позволял курс евро и расписание этого учебного заведения (согласно лучшим итальянским традициям не слишком определенное), развивал в себе эти завидные качества. И вот, наш молодой иждивенец, вдохновленный примером отважного итальянца, но пропустив свой бокальчик еще внизу, за обедом, почувствовал непреодолимую тягу покорить свой Эверест. Так он окрестил, судя по всему, безмянную возвышенность, расположенную в непосредственной близости от Lenno. Присмотрел он ее давно: вершина буквально нависала над городком. Зеленые луга на самом верху казались снизу чем-то неземным. Там, конечно, не было восьми тысяч, но весьма вероятно, что великий итальянец не раз взбирался на нее, тренируясь перед отправкой в Гималаи.

Времени до последнего автобуса из этого горного края было еще предостаточно, и мой приятель, счастливый от предоставленной возможности, взял низкий старт. Единственное, чего он не учел, это какого-то невразумительного состояния погоды. Небо то прояснялось, то заволакивалось серыми массами туч. Ветер, видимо, не знавший, что ему делать при таком раскладе, дул то в одну, то в другую сторону. Эта неопределенность сильно злила его, и он, выхватывая из об-

щей серой массы зазевавшиеся тучки, с каким-то упоением разрывал их в клочья и сбрасывал с воздушной высоты к самой земле. Жалкие остатки этих когда-то грозных туч, неспособные больше парить, оседали на горные утесы, изливая на них обильные слезы по утерянной навсегда высоте.

Во всем, что разыгрывалось на небе, была какая-то драма. А драма в небе всегда побуждает чувствительные натуры к поискам драматичности на земле. Стоит ли говорить, что мой приятель был именно такой натурой.

И вот, никем не замеченный и, соответственно, никем не предупрежденный, он уже выходил на горную тропу, теряющуюся где-то в туманной высоте. Трудно передать то чувство упоения, которое испытываешь, поднимаясь в горы без какого-либо снаряжения, еды, воды, и с почти разряженным телефоном. У него не было с собой даже элементарно трости – я уж не говорю про альпеншток, который бы весьма соответствовал его романтически-байроновскому настроению. Что у него было, так это два зонта. Почему два? Да потому что один он предусмотрительно взял с собой из города (наверно единственное проявление предусмотрительности с его стороны за этот день), а второй купил непосредственно на вилле, как память о подвигах ее последнего владельца. Так вот, у нашего героя было два зонта. Он только не мог решить, который из них лучше раскрыть в случае дождя, и поэтому шагал пока с открытым верхом.

Позади, в далеком городке, уже терявшемся в тумане, слышался немного заунывный, немного тревожный колокол местной церквушки. Наш искатель приключений бодро шагал все вверх и вверх, навстречу, как ему казалось, неизвестности. Чувство тревоги, мгновенно сообщившееся его чуткой натуре, отнюдь не навело его на разумную мысль повернуть назад... перед ним, выросшем в сером московском дворе, открывался новый, неизведанный доселе мир, с утопающими в зелени склонами, мрачным небом над головой, заунывном ветре в вышине. Этот мир звал и манил, готовый принять в свои объятия юного бедолагу.

Начал накрапывать дождь. Мой приятель заметно промок, пока переживал муки выбора между двумя зонтами. Когда наконец выбор был сделан, дождь успел заметно усилиться. Каждый поворот раскрывал влекущую вперед тропинку, теряющуюся в низко склоненных над ней и насквозь промокших кустарников и деревьев. В какой-то момент со всех сторон на нее полились потоки воды и несмотря на немалую прыгучесть нашего героя, любимые кеды очень скоро приняли соответствующий погоде вид.

Разумные доводы, которые мог бы привести ему сейчас любой из представителей остального человечества, встретить он сейчас на пути, наверняка заставили бы нашего героя на мгновение задуматься и даже несколько замедлить шаг. Но, вопреки сказкам, судьба, как известно, жестока со своими любимцами и спасительной встречи не случилось, а

мысль развернуться и бежать вниз, показалась не то, что глупой – прямо кощунственной. «Слабаки!», – выкрикнул он остальному человечеству и демонстративно, уже не помня в который раз, сменил зонт.

Но самое главное, что толкало нашего героя все вперед и вперед – было ощущение именно этого первобытного одиночества. Так как все слабаки остались внизу, он понимал, что в радиусе как минимум пяти километров нет ни одной живой души, и уже не был уверен, есть ли вообще кто-нибудь в этом диком мире, обступившем его со всех сторон. Вся живая и разумная тварь укрывшись от разбушевавшейся стихии, сидела в своих сухих и уютных жилищах, с боязнью наблюдая за разворачивающимся снаружи водным безумием – он презирал их всех. Оставшись наедине, лицом к лицу с могучими силами матери–природы, он почувствовал себя первым человеком на земле. Этот ливень, этот громыхавший над самой головой гром, молния, от которой становилось темно в глазах – все принадлежало только ему. Упоенный новым, доселе неизведанным чувством, он так бы и скакал наверх, маниакально меняя зонты, но тут произошло нечто.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Несмотря на холод, который уже пронизывал его тело насквозь, голова его была как никогда горяча. Решив, что уже нечего терять – все равно весь мокрый – он вдруг сложил оба зонта и... остолбенел.

Перед ним громыхал красивейший водопад. Этот водопад не оставил бы равнодушным даже самого бездушного скептика. Можете себе представить, что случилось с нашим бедолагой. Великолепие, обрушившееся на него так беспощадно, погасило в нем последние остатки разума и логики. Он вдруг стал как-то совсем нездорово спокоен и рассудителен. Рассуждал он так: «Красота этого мира дарована человеку свыше. Он может созерцать ее и становится от этого счастливее. Но также не стоит забывать, что он, человек – венец творения. Поэтому вся красота мира должна принадлежать ему. Он должен покорить и подчинить ее себе. Этот водопад, каким бы ни казался грозным и свирепым, должен быть тоже покорен. Более того, он, похоже, восходит к самой вершине. Это прямой и самый короткий путь». Такова была последняя мысль, мелькнувшая в его помраченном разуме. Бросив зонты, он рванул навстречу свирепому каскаду. И чем сильнее тот бурлил и пенился, усиливаемый потоками, буквально извергавшимися из туч на вершину, тем яростнее мой то-

варищ взбирался по нему...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

История умалчивает о подробностях борьбы между человеческим полоумием и силами природы. Кто знает, до куда бы долез наш герой и чем бы это все закончилось, но на его беду, а скорее счастье, случилось нечто, что положило довольно прозаичный конец этому безумию. Вскарabкиваясь на очередной утес, он неожиданно для себя нашупал в своих карманах нечто. Этим нечто оказались телефон, кошелек и паспорт, который он предусмотрительно взял в поход. Обо всем этом он совершенно позабыл, увлекшись сражением со стихией. Сейчас они дружно плавали в воде, которой были полны его карманы. Сознание мгновенно возвратилось, и реальность обступила его со всей своей ужасающей плачевностью. Паспорт свернулся в трубочку, телефон отключился и, кажется, приказал долго жить, а в кошелек, в котором должны были быть оставшиеся деньги и билеты домой, он просто побоялся заглянуть.

Чем же закончилась эта трагикомедия о железной воле, стальных нервах и горячей голове? Мой приятель бежал вниз по горной тропе, не чувствуя под собой отяжелевших ног, перемахивая через бешеные водные потоки и скользя по камням. От отчаяния и злости на себя он начал вопить воен-

ные песни в такт своего бега: «По-о-лем вдоль бе-рега кру-то-го мии-моо хааат!» Его голос приобрел какое-то глухое, неестественное звучание. Казалось, что кто-то другой кричит неподалеку, причем с надетым на голову скафандром. Его мало заботило, что кто-то из жителей этого благословенного края может услышать его милитаристские вопли – сейчас ему надо было выпустить, как у нас говорят, пар.

Когда, наконец, он спустился в городок, бедолага был похож на утопленника, передумавшего топиться. Дождь, по удивительной иронии судьбы, уже стихал, гроза удалялась на восток, гроыхая прощальными раскатами нашему приятелю, видимо, сильно ее позабавившему.

Встретил же его тот самый колокол на старинной кампанелле. Собрав обрывки своего разума в кучу, герой старательно отсчитал удары, и не поверил ни ушам, ни голове, ни колоколу: со времени начала его альпийских злоключений прошел ровно час... Разумеется, ему казалось, что прошла вечность, ну или хотя бы часа два. Как бы то ни было, до автобуса было еще далеко. Он чувствовал, что, если сейчас что-нибудь не предпримет – он или упадет в обморок, или подхватит воспаление легких. А может, и то и другое одновременно. Нужно было где-то согреться, чтобы автобус забрал его отсюда живым. Он углубился в городок.

НАКОНЕЦ, ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, ОНА ЖЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Сухие, довольные своим благоразумием люди выходили из домов под проясняющееся небо. Мой приятель уже никого не презирал, ибо все свое презрение он обратил на себя. Устав от изумленных и немного боязливых взглядов, он свернул в первую попавшуюся трактирию. Таких трактирий, нужно сказать, было в этих краях с избытком. В них проводили приятные вечера чопорные пенсионеры откуда-нибудь из предместий Лондона или Гамбурга, потягивая редкие (более по цене, нежели по вкусу) вина, смакуя вонючие сыры и аккуратно отсчитывая услужливым «камерьере» свои евро, однако так аккуратно, что для их банковских счетов за горами такой отпуск оставался практически незамеченным.

Мой приятель, появившийся в дверях, совсем не походил на немецкого пенсионера, поэтому тут же обратил на себя внимание всех присутствующих. Будучи по натуре человеком скромным, он сначала было смутился, но тут же вспомнив, через что сейчас прошел, отчаянно перешагнул порог и сел за первый попавшийся на пути стол. Немцы с британцами начали было соревноваться в своей чопорности и неизвестно бы еще, кто победил, если бы на помощь не пришла скромная итальянка. Милая девушка, видимо подраба-

тывавшая здесь летом официанткой, сразу сообразила, что парень не из простых. Она, нужно полагать, недолюбливала своих ежедневных посетителей – с ними ей было невыносимо скучно.

Почувствовав своим женским чутьем, на чьей стороне сила, она быстро подошла и встала у столика моего приятеля, чем всех примирила.

– Что-нибудь горячее, пожалуйста!, – выпалил он на лонманном итальянском.

– Простите, не совсем поняла вас, – смутилась было девушка.

– Я ходил...наверх...горы...потом дождь...

Он не знал, как сказать «гром», поэтому изобразил его руками. Девушка вдруг засмеялась, видимо, открыв в нем довольно импонирующую ей черту – нелепость.

– Зачем же...как неосмотрительно...в такую погоду... Тут она наконец сообразила, что ему нужно.

– Одно мгновение. У нас есть кое-что для тебя! Она и сама не поняла, как перешла к нему на «ты». Немного покраснев от собственной смелости, она быстро скрылась за ширмой кухни.

Приятель мой остался сидеть довольный тем, что его не только не выставили за дверь, но еще готовы обслужить наравне с чопорными британцами. Вода, из которой он теперь состоял не на 80 процентов, а на все сто, стала постепен-

но теплеть. Паспорт, дабы его распрямить, он положил под пресс – тяжелую вазу, стоявшую тут же. Наконец, он заглянул в кошелек и нашел, что деньги можно отличить от билетов. Про телефон же он решил пока не думать: «Я подумаю об этом завтра», – вспомнил он слова главной героини из любимой мелодрамы своей бабушки. Тут появилась официантка, держа на подносе дымящийся напиток.

– Это грог, – заявила она с видимым удовольствием, – как раз то, что тебе сейчас нужно! Кстати, ты откуда? Случайно не русский?

Он только улыбнулся во весь свой синий рот. Это было настолько очевидно, настолько ясно, что, кажется, все, сидевшие в траптории, поняли это, стоило ему показаться на пороге. Отсюда, верно, было все их высокомерие и отсюда же такое оживление в девушке. Она, было, залилась звонким смехом, но, видимо вспомнив, что он здесь клиент (хоть и русский), а она – работник, укоризненно посмотрела на него и перешла к другому столику.

Не зная, что его больше согревает, грог или внимание к своей персоне милой официантки, он сидел и вновь наслаждался мгновением. Но радость эта была совсем не дикая, как давеча, а тихая и смиренная. Он всецело признал себя недостойным не то, что царского венца властителя животного мира, но также и завидного звания человека разумного. Вокруг него, очень может быть, и сидели люди разумные, но

сам он (по крайней мере на этот вечер) зарекся относить себя к их числу.

Он сидел тихо, благодарный небу, что жив, и людям вокруг, что не замечают его. Подходило время прибытия автобуса. Он расплатился своими мокрыми и скомканными бумажками, чем снова вызвал сдержанный смех официантки, попрощался, как умел, улыбнувшись всем, и словно в награду за свои дневные испытания, неожиданно услышал из прекрасных уст: «Возвращайся, русский!»

Понаехали

Это место каким-то чудом избежало участи проходного двора для празднующихся толп туристов, что перманентно наводняют собой известные каждому, бывавшему в Милане, Piazza del Duomo, Galleria Vittorio Emanuele II и Piazza della Scala. Бедным мостовым и стенам последних нет покоя ни днем ни ночью от приезжих, каждый из которых, прибыв в Милан, считает своим святым долгом первым делом устремиться сюда и радостно влиться в поток таких же как и он «пилигримов».

Не раз я, заложив руки за спину, гордый и презрительный ко всему, аршинными шагами рассекал эту праздную толпу, обрывая улыбки, портя фотографии и распугивая полчища голубей, этих прожорливых, ненасытных птиц, расхаживающих по Piazza del Duomo в ожидании очередного любителя эффектного фото, ну и, конечно, острых ощущений. Сами же любители то восторженно визжат, когда эти разбойники с остервенением начинают склевывать с их рук еду (не забывая при этом нещадно лупить и покрывать своего соседа отборным цокотом), то благоговейно замирают, когда самый бесстыжий разбойник усядется к ним на голову. Какое особое удовольствие заключено в этом постыдном маскараде — я искренне затрудняюсь понять.

Я бы может быть и понял, если птица была бы диковинная, обитающая, к примеру, только здесь, в северной Италии, но ведь ее нет только что, кажется, в Антарктиде; да и то, поскольку те берега давно оккупированы не менее беспринципными пернатыми – чайками.

И везде и повсюду она (птица-голубь) наполняет площади, вокзалы и парки, найдя свое безрадостное пристанище в этих бесприютных каменных джунглях, связав свою горькую долю с порочным кругом нашей жизнедеятельности.

Где твоя честь, птица? Символ мира, символ благой вести. Не тебя ли выпускал из ковчега Ной? Не ты ли принесла ему в своем клюве масличный лист, вселив радость в сердце седовласого праведника? Не ты ли стала первым насельником Земли, омытой от грязи греха и порока? Не ты ли, наконец, стала символом Святого Духа? Ты. А виноваты в твоём бедственном положении только мы, люди, понастроившие свои города и придумавшие свои соц.сети и лайки.

Размышляя таким веселым образом, я прокладывал свой нелюдимый путь сквозь щелканье затворов, хохот и крики многоязычной публики. Для законченной картины подобных прогулок мне не хватало одного лишь слова, которое я бы цедил сквозь зубы (но так, чтобы было, конечно, слышно), наталкиваясь на очередную парочку, забравшуюся сюда в свой медовый месяц. Печально сознавать, но я так и не нашел итальянского варианта нашего весьма любезного русского слова, выражающего крайнюю степень гостеприим-

ства:

«Понаехали».

Пальто эмигранта

Путь мой лежал в совершенно особое место. Особое не столько по отношению к остальным местам города, сколько по своему значению для русского человека, русского эмигранта. Нужно заметить, что Милан, по моим понятиям, не стал для белой эмиграции той безрадостной пристанью, воды которой покрыли обломки их последних надежд. Такая честь выпала другим городам: Константинополю, Парижу, Нью-Йорку, Берлину, Лондону... Здесь же до нашего слуха едва ли донесется то эхо, которое нет-нет да пробьется сквозь городской шум Латинского квартала или авеню де Гобелен⁷.

Это эхо искореженных судеб, эхо скитаний и поденной работы, эхо братских собраний и кружков, университетов, изданий, приходов, проникнутых единым стремлением – сохранить родину в себе и в своих детях. И наконец, эхо несбывшейся надежды, одной-единственной – возвращения «в свободную Россию».

Славные донские казаки, бесстрашные вояки, опора и честь российского трона, когда-то освободившие под началом Суворова от революционеров-французов Италию, а спустя пятнадцать лет уже победоносно входившие в сам Па-

⁷ Районы Парижа, известные тем, что привлекали многих русских эмигрантов.

риж – могли ли они себе это вообразить? Вообразить, что их потомки, прямые наследники их боевой славы, растекутся по этому самому Парижу бледными тенями прошлого. Пристрелив с отходящего корабля еще у берегов Крыма своих преданных скакунов, бросившихся за своими хозяевами прямо в пучину, вынужденные снять свои мундиры, лампасы и эполеты, переодевшись в безликое штатское, они стали работать на чужой народ – будто бы пришли с повинной после Бородина.

Сейчас едва ли остались в живых даже внуки белой эмиграции, говорившие на литературном русском с англо–французским акцентом, никогда не выдавшие, но, может быть, знавшие нашу страну лучше нас. Не берусь судить правнуков, но, думаю, многим из них проще считать себя кем угодно, только не русскими.

Не зная историй и судеб русских эмигрантов в Милане, я взял на себя смелость поднять их знамя в этом городе. Выглядело это примерно так. Закутавшись в любимое синее пальто, бесснежным, но промозглым январским вечером, одинокий как пустой трамвай, я направлялся в особое место. Пальто на мне было одним из двух, когда-то подаренных отцом нам с братом – без всякого повода и, честно сказать, надобности. Такие неожиданные подарки были в то время не редкостью – в те времена наш свечной заво-

дик работал во все свои четыре трубы⁸. Это пальто и напоминало мне о былом блеске нашего рода. У брата оно было черное, у меня синее. Еще различимые буквы на бирке намекали на именитую фирму – одну из тех, чьи витрины по сей день ослепляют и так давно ослепших туристов на Monte Napoleone. Элегантная простота его снаружи исключала даже намек на изрядно потрепанную подкладку внутри. Я даже думал, что годы, эти варвары, беспощадные ко всякой красоте, по отношению к моему пальто ведут себя весьма и весьма деликатно. Обычно они обрушиваются на наружность предметов, стремясь исказить ее, в то время как сердцевина остается ими нетронутой. Здесь же они в корне изменили свой подход. Из сезона в сезон, сквозь пальцы они поглядывали на него, беспечно надеваемое хозяином к приходу очередной, непонятно какой по счету осени.

Это пальто, когда бы я его ни надел, необъяснимым образом превращало меня из праздного студента, наслаждающегося своими бессрочными каникулами в Италии (разумеется, не считая учебы), в последнего подданного Российской империи – гражданина несуществующей страны.

⁸ Семейное дело.

Миланские дворы

Как я уже говорил, путь мой лежал в особое для русского эмигранта место. Оно вряд ли указано в страшно популярных у туристов путеводителях (и чувствует себя при этом, надо сказать, превосходно) и поэтому находится несколько в стороне от постоянных маршрутов их миграций. Площадь эта именуется Piazza Belgioioso. Получила она такое название от палаццо с таким же названием, которое в свою очередь получило его от своего владельца с такой же фамилией. По сути, обычный порядок имя–наследования для старого света.

Архитектор дворца – Джузеппе Пьермарини, по совместительству стал автором и одного из самых матерых «places to visit», бессменного члена всех туристических гидов и брошюр – оперы La Scala, построенной совсем недалеко. Замечательно то, что, если снести все архитектурные шедевры, понастроенные между двумя творениями Пьермарини – оба здания окажутся едва ли не лицом к лицу. Теперь же, добираясь от одного к другому, иной турист, выпавший из своего традиционного маршрута, рискует заблудиться.

По своем завершении оба здания были тотчас же признаны маститыми исследователями и будущими историками архитектуры шедеврами неоклассицизма. Но если La Scala,

по непроверенным данным, получила у менее образованных современников ласковое прозвище «комод», то Палаццо Belgioioso удалось сохранить свое достоинство, избегнув подобных сравнений. Повторюсь, этим оно во многом обязано своему местоположению.

Но вернемся к Piazza Belgioioso. Несмотря на гордое название «площадь» по своим размерам напоминает скорее двор. Двор, но какой!

Сравнение с московским двором

Он мало имеет общего с московским двором конца 90-х у МКАДа, в котором посчастливилось вырасти многим из нас. С его спортивными коробками, засыпанными кварцевым песком, обильно покрывавшим наши ссадины после роликов или футбола, с его оранжевым светом фонарей в непроглядном мраке зимнего утра, с его ледящим душу и одновременно таким родным скрежетом лопат дворников по асфальту – этим унылым лейтмотивом наших безрадостных подъемов в школу. Еще тогда, пребывая в нежных объятиях сна, готовясь титаническим усилием воли поднять веки и броситься в этот холодный и темный мир – в направлении умывальника, я восхищался стоицизмом этих людей, поднимавшихся раньше нас (несчастливых школьников) и с постоянством древнегреческих атлантов соскребающих снег, твердый как камень, с тротуаров нашего двора. Еще тогда я решил, что каким бы я ни вырос человеком, такое служение своему народу мне не потянуть. Ни в физическом плане (утренние подъемы с самого рождения обозначены моим организмом как один из самых противоестественных актов, уступающих разве что самосожжению), ни еще более в моральном: из этого скрежета лопат по асфальту как будто и родилось мое чувство тоски и безрадостности. А как с по-

добными чувствами братья за работу – известно разве что профсоюзным активистам.

Выходя на след фельдмаршала

Но мы отвлеклись. Речь шла о великолепной площади–дворе, который мне посчастливилось открыть для себя. Тогда, в первый год своей иммиграции, я катил по залитой солнцем мостовой, в щегольских монках на босу ногу⁹, в завернутых брюках и льняной, небрежно выглаженной рубашке. Катил на любезно предоставленном мне городским муниципалитетом ярко–красном велосипеде (всего за каких-то 2 евро в час). Не заботясь о том, что происходит впереди, я по итальянской моде вертел головой по сторонам, когда мой взгляд неожиданно упал на табличку со следующими словами:

«In questo Palazzo nell'anno 1799 il generale feldmaresciallo Aleksandr Suvorov grande condottiero russo fu ospite durante la campagna di Lombardia e Piemonte»¹⁰.

Помню, тогда я чуть не упал со своего велосипеда. Как? Александр Васильевич? Отец солдат и гроза турок? Потратив на перечитывание и перевод необычной таблички не бо-

⁹ Если быть точным, на «invisible sock».

¹⁰ В этом дворце в 1799 году генерал–фельдмаршал Александр Суворов, великий русский полководец, гостил во время кампании в Ломбардии и Пьемонте.

лее получаса, я доподлинно убедился, что это не кто иной, как наш родной генералиссимус. Оглянувшись вокруг, я хотел было крикнуть: «Эге-гей!! Пуля–дура, штык–молодец! Ребята, наши в городе!!» и что-то еще в этом роде, но рассудив, решил промолчать – кричать было некому. Мимо меня, застывшего под табличкой с радостно–глупой физиономией, проехал на велосипеде миланский клерк–модник, что-то при этом насвистывая, критически покосился на мои незауженные в районе икр брюки (на это я никогда не решился) и просвистел дальше. Тут я задумался – а знал ли он о Суворове? Ответ пришел незамедлительно. Конечно же, знал! Для этого и повесили табличку.

Мой Суворов

Престарелый генерал–фельдмаршал проводил свои дни в опале, в окружении крестьян и старых солдат–сослуживцев, когда революционная Франция, свергнув своих Бурбонов, посмела вторгнуться во владения Габсбургов в Северной Италии. Возмутившаяся Европа, состоявшая тогда преимущественно из Габсбургов и маленьких, но гордых княжеств, начала спешно сколачивать коалицию, в чем ей активнейшим образом помогала Англия, сама, однако, не собиравшаяся тратиться на дорогостоящую сухопутную кампанию. Не имея никакого успеха против военного гения еще совсем молодого Бонапарта, Габсбурги теряли своих маленьких, но гордых союзников одного за другим. Французы же, наэлектризованные своей недавней революцией, шедшие беззаветно в штыковую атаку, не заботясь о прикрытии флангов и обеспечении снабжения, рушили все стереотипы военной науки, в которую свято верил венский двор. Его огромные войска, постоянно пополнявшиеся свежей кровью, собираемой со всей империи, передвигавшиеся только по тщательно выверенным чертежам и расчетам своего гофкригсрата¹¹, совсем нелинейно отступали перед натиском французов, ни-

¹¹ Высший военный совет в Священной Римской империи.

чего не смыслящих в военной стратегии. Над миром и благоденствием Евр... , я хотел сказать Габсбургов, нависла нештучная угроза. В этот критический момент, как водится, вспомнили про Россию, которая, по общему европейскому мнению, что-то засиделась без войны.

Неизвестно, что более тронуло вначале миролюбивого императора Павла – настойчивые мольбы австрийского императора Франца или захват Бонапартом мальтийского ордена, магистром которого Павел едва успел стать – но для России Бонапарт, тогда может быть и не помышлявший о Москве, вдруг стал врагом номер один. В это время Англия, заявив свою всяческую поддержку союзникам на суше, взяла на себя контроль за действиями Бонапарта на море, благо, среди ее сынов тогда служил Нельсон. Занимательно, однако, что самого Бонапарта тогда интересовала гораздо более Африка, а точнее Египет, чем европейская коалиция и Россия, в нее попавшая: он готовился к дерзкому броску через Средиземное море. Так что французами, оставшимися в Европе, командовали другие генералы, некоторые из которых, по оценкам историков, мало уступали ему в военном гении¹².

Командовать коалиционными войсками Австрийской и Российской империй должен был двадцатитрехлетний венгерский палатин эрцгерцог Иосиф. Но Англия, видимо, первой осознав, что ребенку еще рано воевать, надавила на Ав-

¹² Речь о генерале Моро, которого Наполеон впоследствии обвинил в заговоре против себя, явно желая избавиться от победоносного соперника.

стрию, чтобы та надавила на Россию, а точнее на императора Павла, чтобы все же командующим войсками был назначен старый, шестидесятивосьмилетний вояка, не проигравший за свою долгую карьеру ни одного сражения. А чтобы юноша не расстраивался, его решили пока женить на русской великой княжне, дочери Павла.

Престарелый Суворов проводил свои дни в ссылке, уверенный, что государь–император так и оставит его в немилости до конца дней. Мелкопоместные заботы, семейные тяжбы, визиты к соседям, обязанности тамады на сельских свадьбах и неизменный боевой режим – вот, из чего состояли его дни среди болот и лесов русского севера. Казалось бы, никто уже не вспомнит почти сверхъестественных побед чудаковатого фельдмаршала. Но Европа не забыла...

Выдернутый из своего северного имения, он со скоростью, на которую только был способен завершающийся XVIII век, под авторитетные напутствия «помиловавшего» его императора, высокопарные речи завистников, оглушительное «УРА!» войск, узнавших о его назначении главнокомандующим, грохот канонад и гром толпы, встречающей его в каждом городе, был вынесен в самый центр европейской бури. Его популярности на старости лет могли бы позавидовать рок–звезды 70–х, допрыгивающие на сцене свои хиты и по сей день.

Пока фельдмаршал катил в своей старомодной коляске

из Петербурга к театру боевых действий в Италии, войну приостановили, ожидая его прибытия. Взоры малых и больших венценосных дворов, их министров и генералов были устремлены в его сторону. В далекой Англии после короля поднимали «здравницу» за Суворова, сам же король сначала пил за фельдмаршала, а уж потом за себя и своих родственников. Фотографировать Александра Васильевича было пока некому, поэтому, чтобы взглянуть на немногие его портреты (часто лишь отдаленно напоминающие оригинал) людям приходилось стоять в многочасовых очередях.

Сам же Суворов, по-видимому, не спешил на войну и наносил визиты по дороге то к одному, то к другому европейскому монарху. Опытный царедворец, он понимал, что война войной, а церемониал нарушать нельзя даже ему. Он заверял запуганного Бурбона в ссылке и растерянного Габсбурга в Вене, что с Божьей помощью «французы будут биты», и всерьез жалел, что молодой Бонапарт бежал от него в Египет¹³.

¹³ Речь о Людовике XVIII – французском короле, бежавшем от революции и привеченным императором Павлом и последним императором Священной Римской империи Францем II. К слову, Суворов с Наполеоном так и не встретились.

Суворов в Милане

Во время своей, как и ожидалось, блестящей кампании по Северной Италии, несмотря на вредность австрийского гофкригсрата, то и дело вставлявшего палки в колеса его победоносной колесницы, Суворов освободил от французов в том числе и Милан. Командовал авангардом союзных войск генерал-майор Петр Иванович Багратион – один из лучших учеников суворовской школы, однако Милан брал не он. Брал Милан бесстрашный атаман Денисов со своими летучими казаками. Как им и полагается, казаки «влетели» в город, когда французы и сочувствующие им республиканцы еще паковали свои чемоданы. Местному населению так понравился «влет» казаков, что они нещадно набросились на своих вчерашних соседей, так что казакам пришлось взять последних под свою защиту.

Въезд Суворова в покинутый французами Милан пришелся на Светлое Христово Воскресение. Тогда, несмотря на относительную свежесть взаимных анафем (всего каких-то семь веков), Пасха у Западной и Восточной Церквей наступала одновременно. Но поскольку троекратного целования у католиков как сейчас нет, так и тогда не было, Суворов и его чудо-богатыри приводили местное население в страшный восторг, когда без стеснения троекратно лобызали всех

попадавшихся им на пути по случаю Светлого Праздника.

Суворову на пути попадались в основном генералы, градоправители и даже сам архиепископ города Милана. Доподлинно не известно, как произошло взаимное поздравление, но архиепископ в честь такого приятного знакомства сразу же пожелал отслужить торжественную мессу в главном готическом шедевре всей Северной Италии – Дуомо (к нашему счастью, мало чем изменившемуся с тех пор). Суворов стоял на ногах всю католическую службу, чем вызвал восхищение у верных сынов Папского престола.

Игнорируя приглашения на балы и торжественные приемы в свою честь в Вене во время Великого Поста, в Милане же, по случаю Пасхи, Александр Васильевич принял приглашение тогдашней хозяйки свежестроенного Palazzo Belgioioso и прибыл на великосветский вечер. Там он до полуночи приводил в восторг местную знать своим остроумием и чудачествами. Одного пленного французского генерала, также приглашенного на торжество (война войной, а...) фельдмаршал весь вечер учил говорить «Воистину Воскресе!». Итальянцы же, чуждые всякой умеренности, позабыв и преклонные лета фельдмаршала и военное время, в эту же ночь ждали его в совсем молодой La Scala, очевидно желая продемонстрировать свое «бельканто». Но Суворов не поехал. Время Шаляпина и Собинова¹⁴, показавших в Ла Ска-

¹⁴ Шаляпина, допустим, знают все, а вот Собинова – почему-то немногие. Может потому, что у первого был бас, а у второго – тенор.

ле уже свое бельканто, еще не пришло. А старому русскому вояке здесь на чужбине, быть может, нужны были именно их голоса... только исполняющие не арии из Мефистофеля, а хотя бы «Вдоль по Питерской».

Ресторан им. Суворова

Признаюсь, перешагивал я обитый красным бархатом порог дворца, где 218 лет назад также могли принимать Суворова, с некоторым придыханием. Сейчас там был ресторан, видно, поставивший целью своего существования соответствовать блеску и лоску палатцо, под сводами которого он расположился. Его (ресторана) снобизмом разило на всю небольшую piazza, на вековые камни которой я вышел, когда уже начинало смеркаться. Впереди было много испытаний на прочность.

Прежде всего мне нужно было умудриться всунуть мое легендарное пальто услужливому «guardarobiere» так, чтобы потрепанная подкладка не была им замечена. Это было бы несложно в каком-нибудь подмосковном баре–ресторане, где скучающий работник уткнулся в экран своего смартфона, и ему глубоко безразличен вид одежды, которую ты ему протягиваешь, отвлекая от бесконечного сериала. Но улыбка этого величественного пьемонца, который будто и ждал все эти годы единственно меня с моим пальто, не предвещала ничего хорошего. Улыбнувшись ему в ответ, я решил прибегнуть

к плану «Б» – менее рискованному в подобных обстоятельствах. Для этого нужно было, как бы демонстрируя со-

чувствие рабочему классу, самому себе снять пальто, быстро сложить его вопреки всем нормам приличий подкладкой внутрь и... оставив при себе, пройти с ним в залу. Озадаченному гардеробщику оставалось только незаметно подать знак уже встречавшему меня в зале распорядителю, что «этот молодой человек неоднозначен, а может быть даже из профсоюза». Только этим я могу объяснить нарочитую вежливость, смешанную с холодностью, с которой меня усаживали за крайний столик, стоящий будто на отшибе обеденной залы. Отказавшись от предложенной вешалки (они, видимо, еще надеялись отнять у меня пальто), я аккуратно уложил его на стуле напротив, до того, как стул успели убрать и готовый биться до конца, уселся поудобнее, небрежно растягнув пуговицы на также немолодом, но еще модном пиджаке, и наконец осмотрелся.

Надо мной поднимались ввысь на этажа четыре те самые своды, на которые я каждый раз засматривался сквозь высокие окна, проезжая мимо палаццо на велосипеде и рискуя влететь в невысокие ограждения, протянутые по всей площади перед дворцом и отделяющие автомобили «местных» от «случайных». Холодность, с которой на меня косились сейчас «местные», привела меня к мысли, что пора избавляться от сочувствия рабочему классу. Взглянув на росписи сводов, я, конечно же, не узнал художника, не говоря уже об остальном, но «воззрился» на них так, будто давно определился со стилем, школой и техникой и теперь восхищаюсь смелым,

почти революционным движением кисти позабытого всеми, но только не мною, живописца. Не знаю, насколько отчетливо выразилось все это все на моем лице, но общество бесспорно обратило на это внимание, ибо разговоры притихли, как притих и ожидавший с меню «камерьере», пока я не закончил восхищаться и не подал ему знак, что освободился. Нужно было вознаградить его за терпение, и я самым любезным выражением лица указал ему наверх, как бы извиняясь за необыкновенную чувствительность к красоте, и еле слышно произнес: «Guardi, signor, che bellezza!»¹⁵. Отошел он озадаченным, но уже без тени высокомерия. Я снова был предоставлен сам себе.

...Город горел огнями всю ночь. В La Scala надрывались восторгом от самих себя итальянские тенора, которым, верно, и дела не было до того, что на их земле ведутся бои и проливается кровь. Незадачливые французы, не успевшие покинуть Милан до прибытия русских казаков и спрятавшиеся в неприступной древней крепости Сфорца, уныло наблюдали за торжествами, хорошо видными им со стен замка, проклиная друг друга и свое командование. А под сводами великолепного дворца наконец остался один такой далекий и такой родной Александр Васильевич. Что он делал, когда последний из подвыпивших местных герцогов распрощался с ним? Укладывался спать? Или бродил по залам, пытаюсь привлечь

¹⁵ Посмотрите, синьор, какая красота!

такой непостоянный старческий сон. Или же сидел над картами и планами, просчитывая вновь и вновь понятные только ему одному маневры.

...Небрежно подыскивая в вышитом шелковыми нитями меню что-нибудь подешевле, я остановился на «спагетти». Дома мы ошибочно называем их макаронами, тогда как «макароны», почему-то так прижившиеся на моей родине, оказались лишь одним из более трехсот видов итальянской пасты, совсем не похожих на спагетти – другого вида итальянской пасты. Зная, как щепетильны итальянцы в своих межрегиональных отношениях – я решил не интересоваться у камерьере почему в их меню нет спагетти «Болоньезе», которое сейчас едят уже не только болонцы, а решил заказать куда более скромное спагетти «Миланезе», сделав реверанс в сторону местной кухни (блюдо, в силу отсутствия в нем мясного фарша далеко не самое дорогое, но и не самое дешевое – есть еще «aglio e olio», куда даже томатов не кладут). На вопрос, что я буду на второе – рыбу или мясо (стоимостью как пять обедов в столовой моего университета) я сразу спросил «vino della casa». Этот простонародный обычай, к счастью, уважали и в этом месте. От «acqua naturale o gasata»¹⁶ я категорически отказался, сказав, что мне достаточно и вина.

Сделав вид, что не заметил поднятых бровей своего камерьере, я принялся размышлять: что же чувствовал Суво-

¹⁶ Негазированная или газированная вода.

ров среди оглушительных канонад в свою честь, когда вся Европа с замиранием сердца следила за тем, как пожилой граф демонстрирует на полях Ломбардии и Пьемонта маневры высшего пилотажа. Отец солдат, он ведь вел через смерть своих ребят в этой страшно бессмысленной для русских войне¹⁷. Не мог он не знать, что за три года до него Милан не менее восторженно встречал самого Бонапарта... Верные живости своей натуры и страшно охочие до всякого рода триумфов, итальянцы, не особенно вникая в суть происходящего, встречали и того и другого как тысячи лет назад римляне встречали из походов своих полководцев. И тут я понял индифферентный взгляд миланского модника. Кто для них был Суворов? Седовласый, причудливый старичок из северной варварской страны. Проходя мимо со своими непредсказуемыми казаками, он возвратил этому жизнерадостному и беспечному народу скучные, а порой и жестокие, австрийские порядки, сменившие французский революционный раздрай¹⁸. Дав знати хороший повод повеселиться, он не даровал народу ни свободы, как родившийся через 8 лет Гарибальди, ни самостоятельности – как Кавур¹⁹, он лишь

¹⁷ Даже в геополитическом смысле мы затрудняемся найти достойный повод, не считая оскорбленных чувств новоиспеченного магистра мальтийского ордена, и слезных молений Венского престола.

¹⁸ Подробнее о французском раздрае и австрийских порядках в Милане и его окрестностях написал в свое время некий Мари-Анри Бейль в романе «Пармская обитель». Подписался он в конце, правда, как Стендаль.

¹⁹ Гарибальди знаем – воевал, освобождал Италию от в конец надоевших ав-

мелькнул яркой северной вспышкой над еще не свободной Италией.

Но громкие триумфы уступили место настоящему и к тому же последнему подвигу русского полководца. Как следует погоняв французов по Паданской равнине, фельдмаршал по настоянию союзников, видно, всерьез обеспокоенных растущей популярностью русских казаков и гренадеров среди впечатлительных итальянцев, отправился на север, где его ожидали вершины и бездны альпийских гор. За ними он должен был соединиться с ожидавшей его в Цюрихе армией Римского-Корсакова (не слишком выдающегося дальнего родственника выдающегося композитора), который, не дождавшись фельдмаршала, был разбит французами. Кампания была проиграна, но именно тогда, в сентябре 1799 года, Суворов с армией в 27 тысяч человек в непрерывных боях с превосходящими в разы силами французов совершил свой легендарный переход через Альпы. Не спорю, первым это сделал Ганнибал, но отмечая этот факт, никто по какой-то причине не вспоминает, что Ганнибал проделал подобное в самом расцвете своих молодых сил, всего лишь двадцати девяти лет от роду. Суворову же было без малого шестьдесят девять. Причем оба перемахнули через высочайшую гряду Европы примерно за две недели.

Ослепительная вспышка европейской популярности Су-

стрийцев. Кавур был больше по политической части – дипломатия, конституция, интриги – все дела. Министр, кажется, всех министерств молодой Италии.

ворова, превратившаяся почти в фанатичное поклонение, погасла так же внезапно, как и вспыхнула. Фельдмаршал ушел со своими чудо-богатырями на север, скрылся за альпийскими хребтами, чтобы вскоре быть забытым этой самой Европой, увлекшейся своим новым кумиром – бежавшего из Египта Бонапартом.

Австрийцы, как водится, не сделали ничего, чтобы поддержать русские войска в их бесстрашном броске, и сделали все, чтобы избавиться от мало считавшегося с ними полководца. Италия была возвращена в лоно Габсбургов, и на этом «вечной дружбе» Вены и Петербурга пришел конец. Суворову и его солдатам, совершившим невозможное, был отдан приказ возвращаться в Россию.

Полководец занемог уже в пути, и добраться до Петербурга, чтобы предстать перед государем для отчета, ему стоило огромных усилий. Может быть, больших чем, при переходе через Альпы. И отчета ждали от него, по обыкновению, не о его подвигах, а о злоупотреблениях своим положением. Сам же он, предчувствуя скорую кончину, готовился дать отчет уже Богу, а не человеческой посредственности.

В северной Венеции, городе на Неве, освободителя Италии никто не встречал: видимо решили, что триумфов ему хватит. Старый граф умер в той же немилости, в которой пребывал и до Итальянского похода. Только до своего имения он не успел добраться, а отдал Богу душу прямо в Петер-

бурге. Так ли думал он кончить свой жизненный путь? Едва ли. Еще пребывая в родовом имении, не помышляя ни о Милане, ни об Альпах, он писал Павлу с просьбой отпустить его в монастырь, видимо, чтобы уже никогда не возвращаться к баталиям и венценосным дворам...

...Забыв про остатки остывшего «Миланезе» в своей тарелке и все рассматривая фрески высоких сводов, я силился постичь, о чем мог думать, засыпая под самое утро, Александр Васильевич? И тут меня будто осенило – ну, где, как не здесь, он мог вдруг вспомнить свою тихую зимнюю опалу в родном Кончанском, Новгородской губернии, где *«вставал за 2 часа до света, пил чай, обливался водою, на рассвете шёл в церковь, где стоял заутреню и обедню, причём сам читал и пел. Обед подавался в 7 часов, после обеда спал, потом обмывался, в своё время шёл к вечерне, после того обмывался раза три и ложился спать»*²⁰.

Я допил их домашнее вино, быстро расплатился, накинул свое пальто и вышел, едва улыбнувшись уже потерявшим ко мне всякий интерес камерьере с гардеробщиком. Вышел, как я понял через мгновение, под дождь и без зонта. Миланское небо будто и само припомнило своего удивительного гостя и решило отдать дань его светлой памяти. Я еще раз подошел к каменной табличке, блестящей от капель в свете тусклых

²⁰ Мартыянов П. Суворов в ссылке. Исторический Вестник, октябрь 1884 г., т. XVIII.

фонарей мокрой площади, оглянулся вокруг и тихо перекрестился²¹.

²¹ Сожалею, но особенно пытливые натуры вышеописанного ресторана не найдут. Точнее найдут его не таким, каким он здесь описан. В чем тут дело – в ремонте, реставрации или большой фантазии автора – судить опять же Вам.

Городские сумасшедшие

Каждый, кому довелось пожить в Милане больше, чем предполагает среднестатистический отпуск, наверняка наткался здесь время от времени на подобных людей. Они слоняются по городу, пугая пугливых туристов и забавляя местных насмешников.

Они – городские сумасшедшие. То ли в моем родном городе их быстро прячут, стоит только бедолагам засветиться в метро, то ли в Милане местные власти урезали бюджет городских лечебниц, и часть ребят теперь гуляет по улицам – но не было недели, чтобы я не встретился с одним из них. Некоторые, и правда, выглядели угрожающе и могли всерьез напугать даже местных, но большинство были безобидны как голуби.

Безучастные ко всему вокруг, бормоча что-то невнятное себе под нос, иногда они обращали свои монологи к миру, существующему только в их сознании. Порой это были яростные обвинения в сторону невидимого собеседника, порой громкий хохот, за которым наступало долгое и тяжелое молчание. Можно даже сказать, что подобные крики и восклицания составляли безрадостный колорит северной итальянской столицы, промышленного и экономического центра, с улиц и проспектов которого давно выветрилась

та непосредственность и жизнерадостность, так свойственная другим городам Италии.

Были и те, которых и у нас, и у итальянцев принято называть просто «странными» или «strani». Они наполняли пространство вокруг себя той неподражаемой оригинальностью и тем состоянием внутренней свободы, которые нами, «обычными» людьми, забыты с детства.

И напоследок были еще люди, очевидно куда более адекватные, чем могли показаться на первый взгляд. Многие из них умудрялись зарабатывать на своем диагнозе и успешно вели концертную деятельность в том же миланском метро.

Не скажу, что Милан единственный итальянский город, где могут встретиться яркие представители вышеперечисленных групп. Как-то в Венеции мне довелось встретить удивительного фотографа со старомодным фотоаппаратом, в спортивных штанах, галошах на босу ногу, серой куртке 60-х годов и берете художника с Монмартра. Фланировал этот персонаж по Piazza San Marco от одного туристического скопища к другому, подыскивая достойные себя и своего старого друга кадры. Обычно достойными оказывались разряженные в местный пух и исторический прах маски, видимо, опоздавшие к карнавалу и гуляющие по городу просто так. Они и были окружены толпами щелкающих затворами и айфонами туристов, решивших, что им несказанно повезло встретить настоящую «maschere di Carnevale». Но то, как фо-

тографировал эти маски описываемый мною персонаж, могло бы послужить темой для нового карнавала.

Прежде всего он медленно, почти театрально выставлял как будто не сгибающуюся левую ногу далеко вперед, видимо, выполняя роль штатива, и подавался на нее всем телом. Затем старательно прищурился в окуляр и долго—долго прицеливался, словно мишень все время выпадала из зоны поражения. В какой-то момент он с ожесточением нажимал на спусковой механизм и, не имея возможности посмотреть на плод своих трудов, необыкновенно довольный собой, отправлялся фланировать дальше. Я не уверен, что исторический раритет в его руках как-то реагировал на его действия, но вместе со своим хозяином они представляли картину, достойную не то, что фотосессии, а кисти венецианских художников. Но вернемся к моим миланским друзьям.

Двое в ночи

Это была конечная. Но конечная особая. Почему особенная? Дело в том, что расположена она была совсем не на унылой окраине города, где на огромной, залитой старым асфальтом площади разбросаны окурки и бутылки, выдающие места скопления «сознательной» молодежи города. Оказавшись здесь однажды, путешественник может забыть о том Милане, о котором читал в путеводителях и в который так мечтал съездить. Все, даже самые уникальные города, становятся здесь удивительно похожими друг на друга. Париж не отличишь от Лондона, а Лондон от Петрозаводска (говорю ответственно, поскольку пришлось бывать). И реакция местных, если ты, оправдываясь, что проворонил свой выход, будешь интересоваться в какую сторону центр и как отсюда выбраться, будет примерно одинаковой. Язык будет, конечно же, разный – да, но смысл тот же.

Но вернемся к необычной конечной, с которой начали. Расположена она была почти в сердце старого Медиолана – у древнего замка Сфорца. Via Marco Mighnetti, где остановка находится, кажется довольно короткой для такого видного сподвижника Кавура. Будучи либералом и вдобавок человеком весьма подвижным, он уходил в отставку так же часто, как получал новый портфель. Блестящий оратор, он не все-

гда запоминал, что говорил и порой противоречил самому себе. Однако его вклад в освобождение и суверенитет Италии – неоспорим. Длина улицы, по моим соображениям, – следствие того единственного, чего итальянцы не могут простить. Мигнетти однажды имел неосторожность заключить с Францией договор, по которому молодая Италия обязывалась отказаться от Рима.

На улице Мигнетти расположился университет Бруно Леони с чудесным названием «Идеи для свободного рынка». Нужно сказать, у меня, прибывшего сюда из постсоветского пространства, было несколько идей для них, но консьерж, до которого я однажды достучался, пока ждал свой автобус, так и не понял, почему он должен меня впустить.

Наконец к ним, нашим героям

Так вот: поздним вечером, когда узкие кольцевые города наконец освобождались от заторов, и автобус, в качестве полноправного господина, мог нестись по отведенной специально для него полосе, страшно торопя припозднившихся пассажиров (медлительность которых могла стоить им горячей пасты с недорогой «Барберой» на ужин), к конечной остановке подтягивались эти двое. Занятой человек не обратил бы на них никакого внимания, но мне, помимо обдумывания плана, как обойти бдительность упрямого консьержа, заняться было, в сущности говоря, нечем.

Прибывали эти двое к месту отправления автобуса глубоко заранее, как некоторые прибывают в аэропорт или на вокзал, чтобы потом два часа сидеть, уныло уставившись в панорамные окна зала ожидания или безуспешно пытаться заснуть.

Давно известно, как Муссолини завоевал любовь итальянцев: он первым за всю историю Аппенинского полуострова заставил электрички и поезда отправляться по расписанию. С тех пор, если кто-то в разговоре неосторожно начинает хвалить сурового дуче, под гром возмущенных возгласов он напоминает об этом историческом поступке, и все успокаиваются. Времена Муссолини прошли, и автор этих

строк, предпочитающий унылым минутам ожидания отчаянный бег с чемоданами наперевес сквозь шумную толпу вокзалов и аэропортов, не раз упивался победой в тамбуре задержавшегося наземного или воздушного судна. С трудом переводя дыхание, он благодарил Провидение, что итальянцы остались верны своим вековым традициям. Стоит ли говорить, как низко падали в его глазах те же итальянцы и какими эпитетами он их награждал, когда (случалось и такое) это самое судно уходило у него перед носом точно по расписанию.

Мои же герои прибывали на обычную автобусную остановку (пусть и центральную) с явным желанием насладиться минутами ожидания. Было очевидно, что они стремятся завести, хотя и с большим трудом, беседу с водителями автобусов, у которых здесь был традиционный перекур. Один водитель сменял другого, и, прежде чем разойтись, они считали своим долгом перебрать косточки всех своих «никчемных» политиков или какого-то незадачливого нападающего из «nerrazzuri»²², которого угораздило промахнуться в серии пенальти. Достаться должно было всем, поэтому водители редко могли позволить себе прислушаться к робким обращениям моих несмелых друзей. Чаще всего им ничего не оставалось, как общаться друг с другом. Очевидно было, что это им приносит гораздо меньшее удовольствие. Наверное поэтому общение это мало походило на то, что мы привык-

²² Миланский футбольный клуб «Интер»

ли понимать под этим словом, если только речь не о чеховском диалоге. Каждый из них периодически изрекал короткую реплику, на которую второй либо откликнулся еще более коротким замечанием, либо просто отмалчивался. При этом они даже не смотрели друг на друга. Все внимание их было поглощено разговорами водителей, но в еще большей степени – ожиданием отбытия.

У каждого были наручные часы неизвестной марки и приближение времени отправления контролировалось ими с особой пристрастностью и волнением. В нашей стране так ждут разве что новогоднюю речь президента, да и то – лишь самые сознательные. Попеременно, а часто и одновременно, они порывисто вздергивали свои руки и внимательно ловили бегущие стрелки глазами. Таким образом, если один, вдруг ненароком заболтавшись, забывал о времени – он тут же, отрезвленный примером товарища, повторял его движение. Сверившись друг с другом и выяснив, что до отбытия остается еще какое-то количество минут, они на какое-то время успокаивались. Но спокойствие это было мнимым – чем ближе была заветная минута, тем чаще они вздергивали как по команде свои руки, тем менее вразумительны были их беседы. Страшно представить, что могло произойти, если автобус вдруг решил бы вероломно улизнуть от своих педантичных блюстителей.

Кончалась эта эпопея довольно прозаично: водитель, за-

кончив свой монолог про то, почему «нерадзурри» обязательно провалят «скудетто»²³ в этом году, с досадой откинув сигарету и даже не взглянув на часы, вдруг устремлялся на свое водительское место. Наши приятели, наблюдавшие за ним краем глаза, заметив его решительное движение, вздергивали свои руки и к своему ужасу обнаруживали, что минута отбытия еще не наступила. Но хозяин – барин, и видимо уже знакомые с непунктуальностью и крутым нравом этого водителя, тем более когда «Интер» безнадежно летел в рейтинге, наши герои предпочитали не анонсировать свое полчасовое наблюдение, а вместо этого, спешно подталкивая друг друга, устремлялись за ним в переднюю дверь.

Забежав внутрь, они усаживались на два передних места с таким видом, будто выиграли их год назад в лотерею. Нужно отдать им должное: эти места, расположенные справа от водительской кабины и почти на одном уровне с ней, могут по праву заключать в себе предел чьих-то грез.

...Помню с каким внутренним ликованием, еще ребенком, вбегая первым в автобус, я обнаруживал эти места вакантными. Защищенный слева от всяческих поползновений так называемых «немоцных» пассажиров своим дедом, везшим меня домой из школы и всецело разделявшим мой энтузиазм, я усаживался к окну и вцеплялся в перекладину, отделявшую наши сиденья от остального автобуса и симво-

²³ Серия А – высший дивизион итальянской футбольной лиги

лизирувавшую руль. Педальями служила нижняя часть картонной перегородки, которая, судя по виду, использовалась по «назначению» не только мною.

На каком-то этапе я научился полностью синхронизировать свои действия над переключателем и картонкой с движением автобуса, так что даже казалось, что управление от водителя чудесным образом перешло ко мне. В тот момент я страшно злился на пассажиров, которые не находили ничего лучшего, как встать между моей переключателем и лобовым стеклом автобуса и перегородить весь, так необходимый мне обзор. Делать было нечего и приходилось рулить, ориентируясь по боковому стеклу...

Мои миланские герои, забежавшие в автобус первыми, рулить не собирались. То, что делали они, было похоже скорее на ночной дозор. Один слева, другой справа, они не пропускали никого, попадавшего на пути автобуса: будь то велосипедисты, дамы с собачками, солидные господа, не гнушавшиеся общественным транспортом или сознательная молодежь города. Но это еще не конец этой странной и, может быть, уже наскучившей читателю истории. Дело в том, что они, нисколько не стесняясь, в полный голос обсуждали друг с другом все и всех увиденных, оценивая, соглашаясь и дискутируя. Делали они это в неподражаемо индифферентной и даже снисходительной к обсуждаемым ими предметам манере. Осталось добавить к этому, что у одного из них был

пакет, из которого он периодически доставал разные съестные припасы, видимо, заранее заготовленные по случаю поездки, и честно разделял их между собой и товарищем. Так, периодически жуя и причмокивая, они стремились не обделить никого комментарием, при этом делая вид, что никто им особенно не интересен.

Мне это напоминало сказочное действо, где два облеченных властью градоправителя совершают традиционный вечерний объезд своего маленького городка-королевства. Автобус становился пышной каретой, а водитель, знакомый нам как страстный болельщик

«Интера» – возницей. От всевидящего взора градоправителей не мог улизнуть никто из подданных. Что уж говорить о пассажирах, заходивший в автобус, да еще и через переднюю дверь. Каждый входивший невольно останавливал на них взгляд, чувствуя, что именно он в этот момент стал предметом их разговора. Тогда они с некоторой деликатностью смолкали, делая вид, что он им безразличен. Но стоило ему пройти, как они, выдержав паузу, без какой-либо конфиденции продолжали начатую о нем мысль. Только потом я понял, что говорили они на странном наречии, лишь отдаленно напоминавшем тот итальянский, которому нас учили в университете. И я, в отличие от многоуважаемого читателя, быстро смекнул (тоже, правда, потом), в чем тут могло быть дело.

Тайна гор

Дело в том, что в некоторых северных районах Италии, забравшихся уже без всякого стеснения на Альпы, проживают некие люди, которые якобы никогда не спускаются со своих гор. Эту историю я слышал от одного из моих верных итальянских друзей из Лекко. Он горячо обсуждал этих самых людей с другим моим другом и тоже из Лекко. А для тех, кто не в теме – ребята из Лекко всегда знают, что говорят. Из понятных обрывков их фраз, я и составил себе некоторое представление об этом явлении.

Живут эти люди там очень давно и принципиально не признают прогресса. Какого именно прогресса – изобретение колеса, водопровода или айфона – я не стал уточнять. В страну они включены на правах культурного наследия – их никому нельзя трогать, даже налоговой, насколько я понял. Говорят между собой, разумеется, так, что их никто не понимает. Женятся и выходят замуж только за своих – в общем, держатся как могут. В чем там конкретно было дело, когда мои друзья их горячо обсуждали, я, признаюсь, не понял: то ли дрова у этих горцев закончились, и они требовали у президента республики внеочередной поставки, то ли кто-то из равнинных юношей проник в их владения и соблазнил дочь вождя сбежать с ним в объятия цивилизационного мира – не

знаю, фантазировать не буду.

Так вот мои друзья очень походили на представителей вышеописанного народа. Но что они делали здесь, в северном мегаполисе – рассаднике практически всех достижений нашего цивилизованного мира (начиная с колеса и отнюдь не заканчивая айфонами)? Двое сказочных персонажей зачем-то спустились из своих сказочных ущелий на равнину, и каким-то непонятным образом остались и живут здесь среди «нормальных» людей, не привлекая внимания ни полиции, ни санитаров. Удивления же обычных горожан, ехавших с ними в одном автобусе, хватало не более чем на несколько секунд. Поднятые некоторое время брови да пара красноречивых жестов, дополненных короткими репликами – вот и все, чем самая экспрессивная на свете нация встречала своих сказочных гостей. Ведь никому нет дела до сказки, если она не на экране...

Но ведь автор с читателем так не могут, они ведь другие (только поэтому один пишет, а другой читает). Они на протяжении всего этого страшно затянутого рассказа отчаянно силились раскрыть тайну появления этих двух «сумасшедших» на автобусной остановке.

Сразу оговоримся, что ни автор, ни, вероятно, его читатель не любят пустых фантазий, но факты и убежденность в собственной правоте, как говорится, вещи упрямые.

Эти двое были изгнаны с вершин своей горной родины

за... нескрываемый интерес к нашей низинной цивилизации. Интерес для горцев преступный и непростительный. Изгнание, быть может вечное, стало их страшным наказанием и одновременно благословением. Когда их впервые повстречал автор этих строк, они, судя по некоторым навыкам обращения с «благами», уже успели значительно мимикрировать под 21-й век, но на низинный народ стали похожи не больше чем 3-х летний малыш (без айфона) на взрослого дядю (с айфоном).

И снова в наш автобус

Бьюсь об заклад – мои друзья проезжали весь маршрут до конца и совершали подобный объезд каждую полночь. Автобус на своей остановке я обычно покидал с сожалением и каким-то внутренним страхом. И в одну прекрасную полночь непонятный страх оправдался – друзей на остановке не было. На следующий день я был на месте глубоко заранее – безрезультатно. Почти ставшего мне родным водителя-болельщика я спросить постеснялся: где-нибудь на середине обязательно смутился бы странности собственного вопроса, напутал бы грамматику, покраснелся и, отчаянно удерживая срывающийся голос, силился бы выкарабкаться из ужасной ситуации, знакомой каждому интеллигентному человеку, когда смысла в твоих словах все меньше, а брови собеседника все выше. Зачем такие нервы, тем более на ночь? Да и у Интера дела были по-прежнему не очень – парню явно было не до меня с моими друзьями.

Еще через день я пришел вообще за полночь, пропустил пару автобусов, пока не понял, что один из них был последний. Я шел и думал, что же могло случиться с ребятами. Может быть, водитель-болельщик наконец обратил внимание на своих странных спутников и на следующий вечер уже рассказывал о них в баре под всеобщий хохот других болельщи-

ков Интера, среди которых был, вероятно, и полицейский, решивший проехаться с героями рассказа. Не обнаружив ничего противоправного, он на всякий случай все же доложил начальнику, который был лучше осведомлен о проценте сумасшествия в городе и о различных категориях последних. Чувя неладное, начальник созвонился с начальником, который был в свою очередь был лучше осведомлен о культурном наследии страны. После того как начальник начальника, у которого уже не было начальника, позвонил мэру и обсудил ситуацию – подтвердилось страшное.

Операция по отлавливанию ребят проходила в строжайшей тайне, были задействованы крупные специалисты по культурному наследию, этнологи и лингвисты. Все прошло гладко: на остановку в ту полночь точно по расписанию подъехал не совсем обычный автобус с тонированными стеклами и не совсем обычными пассажирами – это были специалисты по наследию, этнологи и лингвисты. Некоторые сомнения ребят рассеял водитель – давно знакомый им болельщик, который, улыбнувшись им (впервые!) знаками пригласил зайти внутрь. Коварный план сработал, и два представителя наследия робко зашли внутрь, не смея пренебречь такими знаками расположения от никогда не замечавшего их возницы. Двери закрылись, и спец. машина с сопровождением и оглушающими спящий город сиренами рванула в сторону Альпийских гор. Через несколько часов ребята уже бы-

ли благополучно депортированы и аккуратно высажены (уже без сирен) на свои вершины, невзирая на проклятия вождя и жен, уже выбравших себе вместо этих бедолаг «нормальных» мужей – настоящих горцев.

Уже подходя к дому, я вдруг понял, отчего был мой непонятный страх. Он был из далекого детства, каждому ребенку он известен: страх, что сказка должна когда-то закончиться. Мама закрывает книжку, выключит тусклую лампу и ты останешься снова один на один с ночной мглой. И сколько детских слез по оставленным друзьям прольется на скомканную, маленькую подушку, пока сон окончательно не смежит усталые веки! Где же вы, ребята из сказки, успевшие стать почти родными? На какой вершине, озаренной лунным светом, вы теперь живете вместе с ней? Возвращайтесь хоть во сне!

Мой друг Хироки

Друзей, как известно, не выбирают. Своего друга Хироки я точно не выбирал. Да и как можно было выбрать себе в Италии друга–японца, знающего английский так же хорошо, как мой папа – японский. Папа и Хироки, кстати, однажды встретились, и на Хироки эта встреча произвела глубочайшее впечатление, которое дает о себе знать время от времени до сих пор, но об всем по порядку.

Познакомились мы, когда Хироки въехал со своими разноцветными чемоданами к моей хозяйке, чтобы занять одну из свободных комнат ее огромной квартиры. Приехал Хироки в Италию с весьма оригинальной целью – выучить итальянский. Перешагнув порог хозяйкиной квартиры, он уже знал по-итальянски несколько слов. Это значительно помогло мне и хозяйке понять, как его зовут и как его дела. Выговаривал Хироки заученные фразы очень громко и с практически невозпроизводимым японским акцентом. Это все придавало его словам какой-то оттенок значительности и даже окончательности. Потому ли, что при въезде в квартиру больше обычно и не спрашивают, или же мы просто поняли, что дальше разговор будет затруднен – в любом случае, Хироки, выпалив свои любезности, уверенно проследовал между нами в приготовленную для него комнату. Тут хозяйка

отпустила свою еле сдерживаемую улыбку, затем нахмурилась, и наконец пожала плечами и произнесла свое любимое: «Vediamo!»²⁴.

²⁴ Поживем – увидим!

Моя хозяйка

Нужно сказать, что комната у моей хозяйки стоила отнюдь не дешево. Красивая, довольно просторная (5 комнат, не считая коридора) квартира в самом центра города. Каждый новый заезжающий становился в глазах уже проживающих либо отпрыском богатой фамилии, либо единственной надеждой не столь богатой семьи пробиться в лучшую жизнь. По непонятным мне причинам такие семьи тратят на свою «надежду» (не всегда, однако, отдающую себе в этом отчет) порой немалые средства, очевидно ограничивая себя в земных удовольствиях, будто надеясь, что забросив отпрыска на верх социальной лестницы, они сделают ему (а грешным делом и себе) большую услугу.

Как только некоторая сознательность посетила мою жизнь, я сразу начал судить о сознательности окружающих меня людей, рассудив, что о своей судить куда сложнее и что со стороны видно лучше. Может быть поэтому на долгое время моим любимым словом стала «инфантильность», которым я с какого-то момента своего взросления стал сыпать направо и налево. Но, дорогой читатель, заверяю тебя, что это было оправдано. Сколько умных, талантливых, трудолюбивых, но страшно инфантильных итальянцев я выявил за каких-то два года пребывания в Италии – подсчитать не

представляется возможным. В своих глазах я довольно скоро стал настолько зрелым, что уже готов был принимать людей, страдающих подобным недугом, на дому – если бы позволила хозяйка. Но она бы не позволила. И скоро вы поймете, почему.

Про эффективность

Кому знакомо чувство тоски по родине, тот поймет, почему на каникулы я всегда стремился домой, в Россию. Период каникул был весьма подвижным. Зависел он от даты сдачи последнего экзамена сессии, которую можно было закрывать как быстро, так и растягивать на месяцы и даже годы (как говорится, любой каприз за ваши деньги). После тоталитарных правил родного Московского, такая демократичная политика итальянского университета меня, конечно, устраивала.

Моя хозяйка, однако, ничуть не разделяла моего восторга от этих завоеваний европейских революций, и оплату за комнату должно было производить ровно по месяцам. Все бы ничего, если бы я платил ей так же исправно, как менял свои планы по поездкам на родину и с родины. Но дело в том, что не платить за комнату во время своего отсутствия я считал делом чести. Как молодой иждивенец, я рассуждал, что самое главное в вечном вопросе отцов и детей, а точнее вопросе, как дети расходуют средства отцов – это эффективность. Красиво жить и не отказывать себе в маленьких радостях, таких как два–три капучино с круассанами утром – это эффективно. Съездить на одно из самых красивых озер Европы в предгорьях Альп за шесть евро и гулять там целый день (конечно, не без круассанов с капучино) – это то-

же эффективно. Когда же я думал о плате за пусть и красивую, но совершенно пустую комнату, передо мной во весь рост вставал отцовский капитал, каким бы он ни был, которой можно и должно было сохранить.

Из-за этого убеждения у меня с хозяйкой нередко возникало некоторого рода недопонимание. В ее жилах, как она сама мне однажды поведала, текла удивительная смесь из итальянской, немецкой, еврейской и даже славянской крови. Прожив с ней под одной крышей какое-то время, я рассудил, что немецкой было больше всего. Но вернемся к эффективности.

Билет в один конец

Совсем неэффективно покупать билеты на самолет по первой попавшейся, пусть и приемлемой цене. Потому что всегда есть шанс взять билет подешевле, нужно только терпение и известная доля выдержки.

Многие покупают билеты глубоко заранее. Молодой и свободный человек не может позволить себе такой роскоши. Почему? Потому что он не может знать своих планов дальше, чем на две недели. Покупая билеты домой, я затягивал покупку до последнего, ожидая обвала цен. Один раз мне даже удалось взять билет за день до отлета: именно в этот момент на него резко упала цена. Это была победа, которая, однако, длилась недолго, и авиакомпания здесь не при чем. Приехав в аэропорт за свои стандартные 50 минут до вылета, я с удивлением не обнаружил своего рейса на табло. Хорошенько

побежав по аэропорту, я наконец выяснил, что мой самолет отбыл на родину уже как два часа. Виртуозно играя и жонглируя часами и днями, я то ли забыл учесть разницу во времени, то ли вовсе спутал деноминацию часов, так что для меня шестой и шестнадцатый час слились в один. Тогда я списал этот казус на переутомление после еле закрытой сессии. Пришлось вытереть сопли рукавом и купить би-

лет на ближайший рейс втридорога (они почему-то всегда в таких ситуациях оказываются втридорога) – не кормить же родственников, так ожидавших упрятанных в моем чемодане панеттоне и страччателлу, байками. Но, согласитесь, игра стоила свеч.

Как дорогой читатель уже понял, эффективность часто сопряжена с определенной долей риска. Для студента, стремящегося жить эффективно, Милан открывает уйму возможностей испытывать свою фортуна. Например, ездить на общественном транспорте без билета.

Стражи порядка

Или контроллеры в общественном транспорте. Абсолютно непреклонные люди порой довольно преклонного возраста. Для тех, кто не знает: свое страшное упрямство они скрывают под личиной безразличия и даже беззаботности, так свойственной итальянской нации. Но оно (упрямство) обязательно проявится, когда тебя поймают с поличным, а точнее без него. Оно проявится во всей своей холодной красоте, когда ты будешь слезно умолять не выписывать тебе штраф, убеждать, что ты всего лишь несчастный студент, худо-бедно сводящий концы с концами, бедно понимающий их английский, забывший дома паспорт, кошелек, телефон и вообще забывший, что ты делаешь в этом автобусе, в этом городе, этой стране...

Подобное следует перенести хотя бы один раз, чтобы при следующем появлении подобных лиц на горизонте действовать в корне иначе. Превентивные меры для безбилетного заключаются в том, что заходить нужно исключительно в переднюю дверь. У тебя должен быть великолепный обзор набегающей панорамы, так ты еще издали сможешь увидеть приближающуюся остановку. Используя всю дальнорядность, которой одарил тебя Бог, всматривайся в людей, столпившихся на остановке. На первый взгляд, стражи порядка

могут совсем не отличаться от обычных, не представляющих для тебя никакой опасности граждан. Но присмотревшись, можно заметить очевидные лишь для опытного глаза признаки: поясная сумка, куда они складывают внушительные штрафы лопоухих безбилетных, едва видная, но обязательная нашивка на одежде, нечто вроде фуражки и самое важное – руки за спиной. Руки за спиной, будто говорящие всем: «да мы так, просто прогуливаемся». Для опытного «эконома» заведенные за спину руки и беззаботное насвистывание – признак очевидной опасности. Так вот все это нужно разглядеть заранее, чтобы быть готовым к так называемому «броску».

Ты, конечно, будешь мозолить глаза водителю, бороться с волнами заходящего народа, работая локтями, проталкиваться вновь и вновь к самому переду. Да и скорый бег автобуса по мостовым XIX века предательски размывает выражения лиц и детали туалета горожан – но не смущайся, помни о штрафе размером с твой месячный «оклад», положенный любящими родителями, и смотри, смотри, смотри...

Едва завидев коварно заведенные назад руки и поясную сумку – немедленно дай понять всем стоящим и сидящим рядом, что тебе очень–очень нужно выйти именно на приближающейся остановке. Водителя тоже не мешает оповестить о твоей острой необходимости покинуть его «mezzo di trasporto». Для большей убедительности можно начать колотить в дверь, как бы намекая ему, что, если он не откроет ее,

общественной стабильности на его судне придет конец. Важно при самом открытии дверей настолько молниеносно вылететь из них, чтобы у стража, поджидающего тебя на остановке, и правда сложилось впечатление, что где-то пожар. Совесть чиста – ты ведь и правда спешишь.

Не расстраивайся, если ты выскочил из автобуса, приняв безобидного гражданина за стража. Свежий воздух и небольшая пробежка еще никому не навредили (при большом желании и вдруг нахлынувшей на тебя спортивной злости автобус можно будет и нагнать). Не унывай, если зайдя внутрь (в то время как ты вылетел), человек, облеченный в форму закона, вместо того чтобы схватить свою первую жертву, тихо сядет на одно из свободных мест, то ли забыв о своих священных обязанностях, то ли наловив таких как ты уже вдоволь. Твои нервы гораздо дороже, чем его произволение – никто не знает, что может прийти в голову этому спящему вулкану, какая кочка городской мостовой вдруг разбудит его бдительность и, подняв с места, направит прямо на тебя, вжавшегося в стекло на другом конце автобуса.

Театр в трамвае

Один мой знакомый итальянец отличался тем, что тоже ответственно экономил (на этом мы, кажется, и сошлись). Отправляясь на модную вечеринку к друзьям, он принципиально не покупал билет на трамвай. А собственно, за-чем? Время позднее, зловредные стражи порядка должны уже смотреть свои зловредные сны. Ехать каких-то пять или шесть остановок...

Но в тот вечер они, видимо, решили устроить ему сюрприз. Да не парочкой или тройкой, а целым скопом обрушились на полупустой трамвай, по меткому выражению моего друга, «как снег на голову в Палермо»²⁵. Друг, однако, не растерялся и, сообразив, что отступать некуда, а выпрыгивать на полном ходу больно, решил пустить в ход свой объективный козырь – прекрасное владение английским языком. Потрясая своей черной, смоляной бородой, энергично жестикулируя гибкими кистями и длинным пальцами, он долго убеждал их на своем прекрасном английском, что он – британский турист и не понимает, что они к нему пристали и чего от него хотят. К моему несчастью, меня в то время не было

²⁵ Палермо – город и провинция на острове Сицилия, юге Италии. Среднегодовая температура составляет +19°С. Абсолютный минимум за всю историю метеонаблюдений – 0°С.

с ним рядом: ожидая, когда они перейдут от него ко мне, я, вместо того чтобы отчаянно придумывать собственную легенду, снимал бы это великолепное действие на камеру. Любой московский театр взял бы парня в свою труппу с такими руками. Уже потом я слышал, что, когда ночные стражи порядка буквально довели его своим недоверием – он забылся и начал ругаться. Вот тут–то и случился прокол. Потому что даже самые уверенные в себе туристы не умеют ругаться на «dialetto napoletano». Занавес опустился, и друга недели две потом не видели на так любимых им вечеринках.

Уже потом, несколько лет спустя, я понял, что туристов, не понимающих ни слова даже на английском, они тоже штрафовали беспощадно. Может быть потому, что 90% пойманных вдруг становились туристами?...

Кофе с Магомаевым

Как мы теперь знаем, эффективность равна экономии. А студент должен экономить на всем, на чем позволяет ему доброе имя его семьи. Для него не зазорно постоять в лучшем кафе города на своих двух, элегантно опираясь одним локтем «al banco»²⁶, другой же рукой скромно, но выразительно подбоченясь так, чтобы полы пальто были небрежно заведены за спину. Таким образом, выглаженные тобою, умеренно зауженные брюки и рубашка цвета весеннего неба будут говорить итальянцам на итальянском за тебя. Ноги при этом следует скрестить так, чтобы одна нога оставалась опорной, а другая была поставлена на носок. Важно при этом помнить, что твои оксфорды или монки должны быть безупречно чисты не только сверху, но и снизу – на подошве, поскольку именно она первой бросается в глаза входящей в кафе праздной миланской публике. Горе тебе, если ты, забыв, что предпочитаешь спортивные штаны или шорты приличной обществу одежде, забежишь со своей пробежки сюда на утренний кофе и так же вальяжно встанешь у барной стойки. Человеку в сандалиях на носок и клетчатых бриджах будет легче в минуту, когда его вежливо спросят, что ему здесь нужно.

²⁶ Барная стойка.

Дорогой читатель, наверное, уже понял, что действие разворачивается во всемирно известном кафе Cova, что на Montenapoleone²⁷. Он наверняка также знает, что оно не только лучшее, оно еще и старейшее. Суворов, правда, сюда еще не мог зайти, но зато Шаляпин и Собинов – очень даже могли, и не раз. И вообще, послужной список этой пастиччери из значимых и не очень имен мировой культуры и политики мог бы соперничать с кладбищем Сент-Женевьев-де-Буа, что в Париже. Сами итальянцы этого, однако, скромно не афишируют.

Открыто историческое кафе было спустя каких-то восемнадцать лет после ухода из Милана Суворова одним из наполеоновских солдат, видимо, совсем потерявшим после встречи с Александром Васильевичем, а затем и с Михаилом Илларионовичем вкус к военному делу. Открыл и не прогадал. Кто был в Милане, и не зашел в Cova – тот в Милане не был.

Так вот, стоя «al banco» здесь, в эпицентре международного бомонда, ты отдаешь за свой вкуснейший капучино обычные два евро. Но стоит тебе сесть за один из столиков, накрытых в глубине зала, как то же самое капучино становится вдруг горьким и жиденьким. Потому что теперь это не достойная плата за маленькую радость, а грабеж среди бела дня. Один из официантов как будто с вежливой, а на самом деле злорадной улыбкой (оттого, что еще один простофиля

²⁷ Via Montenapoleone – всемирно известная улица моды.

попался на их белые скатерти и бархатные стулья) принесет тебе счет минимум в семь евро! Пока простофили складывают и умножают в уме, не понимая, откуда появились такие цифры за один жалкий капучино с печеньем, ты, повторяюсь, стоишь на историческом месте.

Солидный и степенный бариста еще мальчишкой обслуживал, может быть, и самого Муслима Магомаева, забежавшего сюда после репетиций в La Scala пропустить чашечку—другую, разумеется, втайне от советского руководства, опрометчиво пославшего его сюда на стажировку. Опрометчиво, потому что потом советский народ чуть ли не на каждом концерте народного артиста старательно слушал арии, водевили и просто эстрадные хиты на таком красивом, но непонятном ему языке.

Столь сильную любовь к итальянской эстраде сам Магомаев объяснял своей кровью: азербайджанцы и итальянцы очень похожи, особенно – по темпераменту. Бариста в кафе «Cova» тогда, на заре своих юных лет, наверняка разделял убеждение своего советского друга. Но друг уехал (хотя и обещал вернуться), а подобные настроения с годами улетучиваются, и ему в свои «за шестьдесят» уже не хочется быть ни на кого похожим, даже на азербайджанцев.

Поэтому теперь он без различия высокомерен по отношению ко всем туристам, но не к тебе. К тебе (стоящему подбо-

ченясь прямо напротив него) он улыбается как старому другу, протягивая только что приготовленный напиток. Снисходительно улыбаясь ему в ответ, ты тут же отхлебываешь (промедление недопустимо) чрезвычайно густую пенку, секрет которой был когда-то непостижим для остального мира, и, пока он не отвернулся от тебя к стоящему рядом модельеру, восклицаешь довольно громко, так чтобы слышали все: «*Che sapore, mamma mia!*»²⁸. Туристы оборачиваются в твою сторону, говоря друг другу: «О, это, наверное, местный за-всегдайт. Уж он–то понимает, о чем говорит. Как жаль, что мы – всего лишь обычные туристы». Тут наступает очередь баристы застенчиво улыбаться: он прекрасно знает, что вкусно, но ему все равно приятно, потому что туристы не говорят ему ничего за его кофе – только свои выученные «*Grazie!*» и только официантам. А последним нередко все равно, вкусно тебе или так себе. Но с чего мы начали?

²⁸ Мама дорогая, ну что за вкус!

Наконец, возвращаясь к Хироки

Верно, с Хироки! Так вот, Хироки не подходил ни под одну из недавно мною перечисленных категорий отпрысков, имеющих надежные источники финансирования в лице своих родителей. Во-первых, потому что называть его отпрыском язык не поворачивался: он принадлежал к породе тех людей, которые не имеют возраста. Ход времени на нем отмечался лишь сменой стрижки: волосы то отрастали – тогда Хироки становился похожим на самурая, то укорачивались до своих оснований (укорачивал их неизвестный миру мастер, виртуозно счищавший всю растительность с головы Хироки). Во-вторых, потому, что он финансировал себя сам. Знали ли его родители или кто-то из его близких о его итальянской аванюре – непонятно. Да и вообще вопрос о его родственных связях спустя 5 лет нашего с ним знакомства остался неразрешенным для меня.

Путь самурая

Прибыл Хироки в Италию с двумя желаниями: выучить итальянский, как я уже говорил, и, как потом выяснилось, не возвращаться в Японию. Чем ему так не угодила его родная страна, я стеснялся расспрашивать, да и все равно бы не понял. Многое, очень многое в нашей дружбе приходилось принимать как данность. Виной тому был итальянский язык, владение которым мы благородно разделяли (благо разделять нам было немного).

Тогда Хироки каждый день посещал интенсивные курсы итальянского. Возвращался он с них всегда с каким-нибудь новым словом или даже оборотом. Все это, разумеется, сразу шло в ход за ужином, каждый раз вызывая смех хозяйки и жадное внимание вашего покорного слуги. Бескорыстно демонстрируя свои знания, Хироки невольно пополнял мой словарный запас. Поскольку я тогда уже «отсидел» свои начальные курсы итальянского, положенные для каждого иностранного студента, мой итальянский остановился в своем развитии, и дальше продвигаться как будто не собирался. В этом смысле Хироки стал моим личным источником новых слов и выражений, которые я сначала переводил с его японо-итальянского на свой русско-итальянский, а затем активно пускал в дело в разговорах с тем же Хироки.

Важно отметить, что Хироки (в отличие от нас, экономящих деньги своих спонсоров) первые месяцы своей итальянской dolce vita жил в Милане «на свои» и, что называется, не заглядываясь на чеки. Приведу яркий пример.

Мои условия, как и у большинства других студентов, прошедших через квартиру хозяйки, были таковы: для нас она сервировала (я бы не сказал «готовила») завтрак. Обычно он состоял из вареного яйца, нескольких ломтиков сыра, иногда йогурта и, в качестве десерта – возможности опустить ложку в банку с вареньем. Хлеб и чай стояли тут же в качестве бонуса. Завтрак чемпиона или, что называется, на убой. Несмотря на то, что эти кулинарные изыски могли бы уместиться на одном блюде, хозяйка сервировала под них стол так, будто ждала в гости делегацию от папы Римского.

Так как посуды было заметно больше, чем самой еды, каждого из нас (студентов, снимающих комнату в квартире) посещала мысль о том, что сама еда где-то все-таки лежит, просто ее нужно доставать самостоятельно. Холодильник стоял совсем рядом со столом, поэтому к его содержимому вскоре стали наведываться сначала любопытные взгляды, а затем и дрожащие руки.

В один прекрасный день хозяйка, в свою очередь испытывавшая культурный шок, провела с нами разъяснительную беседу на трех языках, в результате чего каждому едоку была выделена холодильная полка, полноправным хозяином кото-

рой он становился и заполнять которую он, в соответствии с титулом, должен был самостоятельно. Все остальные части холодильника с их содержимым попадали под запрет под страхом репатриации. Я долго не заполнял свою полку в знак немого протеста. Но поскольку это не помогало запоминать лекции в университете – я компенсировал недостающие утренние калории и глюкозу в кафе по пути в университет, а если успевал, то еще раз в самом университете. Заглатывая в ожидании автобуса *cornetto con cioccolato*²⁹ и заливая его свежеприготовленным *sarussio* в кафе рядом с остановкой, я не раз поминал свою хозяйку добрым словом. Таким же добрым словом я поминал сам корнетто с капуччо, когда, метнув монеты *cassiere*³⁰, я выбежал из кафе за уже отбывавшим от остановки автобусом.

Но мы вновь отвлеклись от Хироки. Для него, помимо вышеупомянутого завтрака, хозяйка накрывала еще и ужин. Кормила она его тем, чем Италия без зазрения совести уже больше сотни лет кормит весь мир – пиццей и пастой. Таким образом, перед нашим японцем

каждый вечер стоял мучительный выбор между двумя гастрономическими легендами.

Странно, но многие итальянцы оскорбляются до глубины души, когда ты совершенно искренне у них спрашиваешь,

²⁹ По нашему круассан с шоколадом.

³⁰ Очевидно кассиру.

едят ли они что-нибудь кроме этих двух блюд. Хозяйка не страдала подобной чувствительностью и методично потчевала ими Хироки изо дня в день. Добавим, что в качестве мощного дополнения к этим двум вариациям теста шли сыр и томаты – другие символы итальянской кухни. Прибавка к месячной стоимости квартиры, которую Хироки ответственно доплачивал за эти кулинарные шедевры была далеко не символической.

Помню, как я скромно поджаривал себе сочную *cotoletta alla milanese*³¹ и заправлял свой *caprese*³² душистым оливковым маслом, пока Хироки уплетал один за другим куски пиццы с плавленым сыром и помидорами, по-нашему «Маргариты». Происходило это под одобрительные взгляды хозяйки, которая почему-то считала своим долгом присутствовать на ужинах своего золотоносного жильца.

Нужно понимать, что она, наша хозяйка, работала в одном из крупнейших модных домов Милана, имя которого мы опустим из соображений приличия. В ее обязанности входило вежливо разговаривать с разношерстными дельцами, стекающимися за шмотками старого модельера со всего мира, и обсуждать с ними, что они могут взять, а чего не могут и, конечно, в каком количестве. Одевая и обувая, пусть и совершенно искренне, весь оставшийся мир – вряд ли она могла всерьез задумываться о том впечатлении, которая она про-

³¹ Мы бы котлетой такого не назвали. Больше похоже на телятину на ребрышке.

³² Помидоры с оливковым маслом и сыром моцареллой. Сплошной каприз.

изводит своими ужинами на Хироки.

Однако, как я уже упомянул, вскоре Хироки отказался от ужина, пополнив наши ряды штатных проживальцев, довольствующихся только обильными завтраками в исполнении радушной держательницы квартиры. Но отказался он не потому, что я дал ему однажды попробовать свою котлету, открыв для него новые грани итальянской *dolce vita*, а потому что его сбережения начали подходить к концу.

Сколько он копил их в Японии – я не знаю. Но большую их часть он передал нашей хозяйке за несколько месяцев. Спасая друга от голодной смерти на дне пропасти отчаяния, в тот же вечер я повел его на миланский «happy hour» – своеобразный шведский стол или кормушка для голодных студентов. Суть счастья состоит в том, что ты платишь только за напиток, а ешь столько, на сколько хватит твоего желудка и совести.

Хироки был сражен наповал: такого количества пасты он еще не видел никогда. Проведя несложный подсчет той суммы, которую Хироки мог бы здесь сэкономить, если бы его сбережения закончились раньше, мы упомянули нашу хозяйку в своих тостах и пошли за четвертой порцией еды. Это было первым финансовым откровением для Хироки. И все же ежедневный праздник живота, пусть и самый дешевый, вреден для души. Поэтому мой друг начал, как и я, проводить свои длинные зимние вечера за плитой.

Хозяйка, как ни странно, за державу не обиделась (точнее

за ее символы) и ее еще долго приводили в умиление новые итальянские слова от Хироки.

Но однажды случилось страшное. Хироки уронил ключи от хозяйкиной квартиры в шахту лифта. Автор этих строк тогда где-то прохлаждался, поэтому свидетелем разыгравшейся по этому случаю сцены не стал, но судя по рассказам Хироки, реакция хозяйки была примерно такой же, когда автор, то есть я, на целую ночь и полдня оставил свой комплект ключей в замочной скважине снаружи входной двери. Несмотря на мои убеждения, что у меня такое бывает и что дома со мной подобное уже случалось, и не раз – хозяйка хранила глухую настороженность по отношению ко мне до конца моих итальянских каникул. В общем и целом, ей было непросто с нами³³.

Некоторое время спустя Хироки съехал. Куда он переселился, я так и не узнал. На мои расспросы, как ему новая квартира, он с удивительной деликатностью по отношению к не известному мне арендодателю отвечал: «Не очень элегантная». Тогда, только начиная по-настоящему узнавать характер Хироки, я уже догадывался, что за место могло скрываться за этими тремя словами.

³³ У уважаемого читателя могло появиться превратное впечатление о характере нашей хозяйки. Дабы развеять его, скажу – что это очень порядочная и по-своему добрая женщина, простившая нам уйм несовершенств.

При этом Хироки продолжал посещать свою языковую школу, условия учебы в которой были сродни условиям жизни у нашей бывшей хозяйки. Такие школы были предназначены скорее для тех самых отпрысков, о которых мы говорили вначале, но не для Хироки. Бросил он свою школу только тогда, когда его сбережения иссякли окончательно. Почему он тут же не отряхнул прах этого города со своих ног и не вернулся в родную Японию – для меня загадка. Хироки не только не отряхнул ноги, но и умудрился остаться, устроившись на работу к своим землякам, которые держали в Милане обувную лавочку. На каких условиях он там работал и что делал – мне доподлинно неизвестно, но то, что он сразу согласился на эти условия – я готов дать на отсечение руку, которой пишу эти строки. Размышляя над его «Filippo!! Non posso stasera, devo lavorare! Mi dispiace!»³⁴ в ответ на мои почти ежедневные приглашения сходить на happy hour, я представлял себе компактный, рассчитанный на одного Хироки, обувной конвейер времен промышленной революции, от которого нельзя отлучиться ни на секунду, иначе маленькой, но гордой японской фирме в Милане придет конец.

Тогда Хироки на долгое время совсем пропал из моего поля зрения. Я умудрился закончить первый год своих университетских мучений и решил, что теперь могу позволить себе навещать этот город только для экзаменов, посещая лекции по конспектам моих прилежных однокурсников. С тех пор

³⁴ Филиппо!! Не могу сегодня – работа, брат!

при каждом своем визите в Милан, после очередного проваленного экзамена, я писал Хироки в надежде наконец посмотреть на его руки, в моих грезах уже обувавших, а точнее изготавливавшего обувь для всех, кому не подошла обувь от старого модельера.

И вот наконец Хироки «смог». Когда, я без особых надежд, написал в очередной раз, что я в Милане, он вдруг предложил мне прокатиться по альпийской железной дороге. Дорога начиналась в Лекко, в одном из городков на берегу уже известного нам озера Комо, и заканчивалась в швейцарском Цюрихе, уже по ту сторону Альп. Таким образом, маршрут обещал дыхание–захватывающие виды на альпийские луга и вершины «во все стороны света». Посмотрев на стоимость удовольствия, я не без волнения начал подсчитывать, от какого количества капучино мне придется отказаться до вылета в Москву. Каково же было мое удивление, смешанное с подлым облегчением, когда Хироки заявил, что это подарок, и наотрез отказался взять с меня мою долю. В свое оправдание повторяю – наотрез.

Немного лирики

С тех пор мы встречались исправно один раз в полтора, а то и два года. Жизнь Хироки, несмотря на наши доверительные отношения, продолжала протекать от меня в тайне за семью печатями. Сейчас я знаю, что он до сих пор не покинул Милан. Чем этот город так крепко притянул его к себе – очередная загадка. Он сменил работу и теперь, кажется, сидит за компьютером. За ним Хироки, если не ошибаюсь, сидел и в Японии до своих итальянских приключений. Он вновь начал ходить на свои любимые курсы итальянского и по-прежнему собирается выучить английский.

Работая который год за троих, на земле, поглотившей за несколько месяцев сбережения всей его японской жизни, а вместе с ними и планы на *dolce vita*, он сохранил неподражаемую элегантность поступков и благородство жестов. Кто-то бы разочаровался, кто-то бы озлобился и принялся вербально бичевать всех и вся. Хироки продолжал смеяться, вспоминать хозяйку и бессовестно угощать меня на наших редких, но метких встречах.

Не знаю, разрешено ли самураям жениться, но Хироки хотел взять себе в жены настоящую итальянку, чем однажды поделился со мной в приступе откровенности. На мой вопрос, почему он не найдет себе кого-нибудь из своего наро-

да, он ответил, что это неинтересно.

«А с итальянкой будет весело: каждый день что-нибудь новое», – уверенно заявил он. Я промолчал, но в душе решил, что из такого союза ничего не выйдет. Так бессовестно транжирить евро, заработанные на ночных или дневных сменах – потчивать друзей, пусть даже из России, не позволит ему ни одна уважающая себя «Франческа». Разве что она – тоже самурай, без страха и упрека.

Для Хироки не существовало испытаний или «ударов судьбы», он просто не знал, что это такое. Наши ограниченные понятия успеха и неуспеха ему неведомы. Жизнь его менялась, кружилась, неслась и замирала, а он неотступно следовал за ней. В нем было слишком мало корысти, чтобы жить ради чего-то иного, чем самой жизни.

Когда я в очередной раз с развязным трагизмом рассказывал ему об очередных перипетиях в своей судьбе, о предательстве, лжи и прочих литературных фабулах, он вдруг прервал меня на своем все еще небогатом эпитетами итальянском: «*Devi essere grande, Filippo*»³⁵. Тогда я едва сознавал величину его самого³⁶.

³⁵ Надо быть выше этого, старина.

³⁶ Для тех, кто вдруг неожиданно для себя проникся судьбой Хироки, у меня есть новость. Пока я дописывал свои излияния (это небыстрый процесс) – он успел жениться! И, подумайте, на самой настоящей итальянке!

Чем же закончилось наше путешествие в Цюрих

...Стоило нам подняться от зеленых лугов Лекко метров на пятьдесят в горы, как началась пурга, которая не прекращалась до самого нашего возвращения в Лекко. Ни альпийских лугов, ни тем более вершин мы не увидели. Машинисты во все время этого увлекательного путешествия раза три выскакивали с лопатами расчищать сугробы перед нашим высокогорным поездом. Цюрих мы тоже не увидели – разве что заметенную снегом станцию. Какой был смысл доезжать до нее, я затрудняюсь ответить, тем более что поезда, как известно, разворачиваться не умеют. Наверное, для очистки совести, чтобы не возвращать наши, а точнее Хирокины деньги.

Я пытался развлечь наш вагон рассказами о Суворове, который шел здесь пешком (ну или верхом) – и то не расстраивался. Но Хироки все равно много досадовал и обещал позвать меня еще раз, когда погода будет соответствовать обещаниям на брошюре. Тут уж я отыгрался и твердо заявил, что в следующий раз приглашать буду я. С тех пор прошло уже шесть лет, и мое обещание все еще на мне. Погода – она такая непредсказуемая.

День рождения Лукино

Промозглым, холодным вечером второго ноября 2016 года я сидел в небольшой траттории на улице *Cina del Duco* и задумчиво потягивал в меру терпкий и умеренно выдержанный благородный напиток из *nebbiolo* – произрастающего в соседнем регионе³⁷. «*Nebbiolo*» родственен туману – «*nebbia*». Он рождается и зреет, укутанный в его пелену. В вине из этой лозы живет осенняя прохлада и ранние заморозки. Я не знаю, что в этом случае человечество пило до открытия вина, но в мире нет более гармоничного сочетания, чем сочетание этого напитка и подобного вечера.

Если в названии улицы, на которой я расположился под конец второго ноября, поменять одну букву, получится «Ужин Графа». Не скажу, что ваш покорный слуга приходил сюда ужинать каждый вечер, но почему-то именно здесь я чувствовал себя, что называется, в своей тарелке, хотя часто обходился одним бокалом. Но этот вечер был особенным, поэтому передо мной лежала еще нетронутая *torta paesana*³⁸. С тех пор прошло много времени, но я все еще помню ее вкус. Я, к сожалению, не кулинар и не актер, умеющий убе-

³⁷ Неббиоло – сорт винограда, растущий преимущественно в Пьемонте.

³⁸ Десерт, приготовленный из хлеба, молока, какао и миндального печенья и признанный традиционным миланским блюдом.

дительно изображать кулинара в утреннем эфире, и поэтому не привез впоследствии в Россию ничего, кроме едва уловимого, но незабвенного воспоминания о вкусе этого «torta».

Нетронутым он оставался в тот вечер, поскольку мне нужно было некоторое время, чтобы привыкнуть к мысли, что торт (пусть даже рожденный в Ломбардии) можно запивать чем-то, кроме горячего чая с молоком. Дело в том, что этим горячим чаем с молоком я запивал все свое детство. В моем сознании этот чай был неразрывно связан с любого рода сладким после плотного ужина, а нередко и обеда (по настроению – и завтрака). Из-за него мне здесь не раз приходилось выдерживать на себе долгий и удивленный взгляд местных камерьере, из-за него я не находил понимания на студенческих сходках в чьих-нибудь квартирах или барах. Поэтому сейчас я в очередной раз расставался с детством и пробовал на вкус сочетание тающего на языке торта и холодного (!) терпкого вина.

Я чуть не забыл сказать, что тот вечер был особенный. Пришло время пояснить, почему. На меня своими 44-мя ставнями глядел настоящий дворец, расположенный на другой стороне узкой улицы. В лучшие времена бедному семейству, проживавшему здесь, пришлось нанять и выделить содержание специальному человеку, в ответственность которого вошли открывание и закрывание этих ставен. Думаю, на весь процесс у него могло уходить от 15-ти до 30-ти минут

в зависимости от настроения. Так вот, именно в этом дворце, в сердце давно демократического города, ровно 110 лет назад, день в день, родился маленький граф, названный родителями Лукино. Ручаюсь, что тогда все ставни были открыты и во всех окнах горел свет, благо лампы накаливания были уже изобретены.

Милан до урбанистов

Но не лампами накаливания был примечателен этот дворец. Даже прищпорив свое вялое воображение очередной порцией забродившего виноградного сока местного производства, нам сейчас трудно представить, что когда-то этот дворец буквально нависал над водной гладью, не широкой (на судоходных отрезках ширина доходила до 9 метров), но глубокой и темной, опоясывавшей весь город. Это был средневековый ров, отделявший сердце города от активно разрастающегося пригорода.

Что до самого города, он своими климатическими особенностями мог тогда соперничать с Венецией, Амстердамом и даже годящимся им в правнуки Санкт-Петербургом. Испещренный каналами, призванными вбирать в себя соседние реки и речушки, город на протяжении многих веков был буквально укутан в непроглядные туманы. Всею виной была и остается Паданская низменность, постепенно сползающая от Альп к морю. Бегущие с гор водные потоки, прежде чем добежать до моря, образовывали в этой низменности самое что ни на есть болото. На границе болота и построили этот город, по-древнему “Медиолан”, а по-нашему Милан. Построили якобы для торговли, но мы-то с вами знаем, что совсем не за этим. А затем, чтобы обязательно был такой северный

(по меркам Италии) город, где бы мог родиться Висконти и Мандзони, который Алессандро³⁹, где мог умереть Верди, куда мог заезжать Леонардо, который Да Винчи, где наконец все они могли творить. Построили, чтобы мистика и фантазмагория наполняли его туманные улицы, порождая неясные образы в головах и хронические болезни в легких его сынов.

В 1930 году, по прихоти архитектурных новаторов того времени, канал был осушен и засыпан. Туман, а за ним и мистика испарились до лучших времен. Но погребен он оказался под той самой малой кольцевой города, которая так тесно переплелась с жизнью студента–эмигранта, автора этих излияний. На ней была расположена его безрадостная обитель, по ней он опаздывал в свой университет, по ней же он катался со своими друзьями, городскими сумасшедшими, и наконец вдоль нее он убегал от коварных стражей порядка.

Лишь этим самым соседством я могу объяснить причудливую болезнь, приставшую к нему здесь однажды и как будто навсегда. Засыпанный песком и гравием, закатанный асфальтом, канал продолжал источать свои средневековые болезнетворные пары, а московский студент активно вдыхать их.

³⁹ Автор, пожалуй, самого известного итальянского романа «Обрученные» (после разве что Божественной Комедии, которая совсем не роман).

Отчего я не «октавист»?

В 2016 году от Рождества Христова в бывшем городе каналов нескромный автор этих строк проболел простудой со всеми возможными осложнениями всю зиму от начала и до конца, несмотря на каждодневное парение ног, горячие чаи с имбирем и пуховую куртку с русского севера. Тот, кто во время болезни не может себе позволить чихать на учебу, тот чихает на ней. Мои однокурсники испытывали при этом искреннее изумление. Русский, который чувствует холод и может вдобавок простудиться, был для них очевидным открытием. В ответ на их немое изумление я деликатно отмечал, что такой высокой влажности, как в их треклятом климате, нет больше нигде. К нормальному холоду я, может, и привычен, но этот холод (редко опускавшийся ниже -3 градусов) умудрялся просачиваться не толь-

ко сквозь пух с русского севера – но и сквозь любые утеплители, мною надеваемые, в независимости от их количества.

Где-то к февралю мой кашель приобрел какое-то глубоко-водное звучание. А в одно прекрасное утро я вовсе не узнал свой голос: вместо того, чтобы осипнуть, он приобрел новый, невиданно низкий доселе тембр. Знал бы я тогда, что такое бас–профундо и что настоящих сибирских «октави-

стов» в мире сейчас можно по пальцам пересчитать – я бы, наверное, согласился не расставаться с этой странной простудой до конца своих дней⁴⁰. Но тогда моего творческого полета хватило лишь на то, чтобы записать под мрачную музыку монологи собственного сочинения о конце света и разослать их друзьям в качестве утренней шутки. Некоторые были настолько впечатлены, что долго потом не отвечали на мои звонки и сообщения – голос, и правда, звучал незабываемо. Особенно для слабонервных.

На следующий день, однако, уникальный голос пропал, зато я перестал чувствовать свой нос. Обеспокоенный непредсказуемыми виражами своей болезни, я даже ходил к университетской медсестре, которая тоже была страшно удивлена, увидев простудившегося русского. Так удивлена, что вызвала врача. Врач долго щупал мой нос, затем долго слушал мои легкие, потом черкнул что-то на бумажке, многозначительно показал медсестре и, улыбаясь, отдал бумажку мне. Придя домой, я достал словарь и перевел написанное: «Простуда с возможными осложнениями. Рекомендуется: Терафлю или Колдрекс», – авторитетно значилось в ней.

Когда лекарства, скупаемые мною в местных аптеках по

⁴⁰ Бас–профундо – самый низкий мужской певческий голос. Октависты – обладатели такого уникального голоса, позволяющего им “строить октавы”, то есть петь на октаву ниже классических басов, таких как Шаляпин, к примеру. Октависты в церковных хорах считались в нашей стране национальной гордостью на протяжении веков.

бесценным советам друзей, хозяйки и университетского врача, перестали помещаться на моем письменном столе, я понял, что здесь что-то не так. Эта светлая мысль навела меня на следующую, еще более светлую: может быть проблема не во мне, а во «вне»? От последнего соображения отдавало уже экзистенциализмом, и мне от этого стало значительно легче.

Но окончательно я выздоровел, только вернувшись в Россию. Стоило мне вдохнуть московский «минус 15-ти градусный» родной воздух, как простуда со всеми ее осложнениями дала деру в направлении Апеннин. Через несколько дней я был абсолютно здоров. Вот вам и солнечная Италия, вот вам и горящие путевки.

Возвращаясь к Лукино

Лукино Висконти ди Модроне, один из зачинщиков итальянского неореализма, законодатель стиля и вкуса для современников и потомков, а также просто хороший режиссер, родился в браке аристократа, потомка Миланских герцогов, и наследницы крупнейшей фармацевтической компании Италии того времени. От отца Лукино унаследовал вереницу титулов и фамильные замки, от мамы – замки и состояние. Большую часть этого состояния впоследствии Висконти потратит на кино. Нельзя сказать, однако, что он не зарабатывал. Многие его картины были весьма и весьма коммерчески успешны. Но как истинный служитель муз он умудрялся вкладывать в искусство гораздо больше, чем получать от него обратно.

Свою голубую кровь Висконти вливал в своих актеров, хотели они этого или нет. А затем лепил из них образы, которые сейчас стали нарицательными в мире искусства. Кто может заподозрить, что за аристократом из аристократов, князем Фабрицио ди Салина из знаковой киноэпопеи «Il Gattopardo»⁴¹ прячется американский актер, по совместительству акробат, игравший до этого только мускулистых мацо, плескающихся в прибое Флориды.

⁴¹ Фильм Висконти «Леопард», 1962.

Перед тем как спеть Виолетту в Травиате, сама Мария Каллас прошла через висконтьевское горнило. Она перешивала свои платья под его чутким наблюдением, заново училась ходить, говорить и даже улыбаться. Оперные старожилы и капельдинеры⁴² на пенсии до сих пор с придыханием вспоминают о той Виолетте, которая тогда получилось у Висконти и Каллас.

Но сейчас в родном доме Лукино все было темно и безжизненно. Ставни были заперты, огромные двери тоже. Мне это с самого начала не понравилось. В родном городе маэстро, кажется, никому и дела не было до такой даты. Ладно город, но где Делон, где Кардинале⁴³? Я понимаю, возраст. Понимаю, дела. Так ведь мне тоже было чем заняться, но я прибежал! А что сейчас делали в Ла Скала? Это же был почти домашний театр Лукино. Чего он там только не ставил. Наверняка тоже все спят. Жаль, с нами уже нет Каллас, а то бы она им пропела в честь маэстро «Addio, del passato bei sogni ridenti»⁴⁴!

Я заказал второй бокал вина из неббиоло и начал подумывать о том, чтобы попробовать постучаться в глухие две-

⁴² Хорошее, важное слово для культурного человека. Сам долго его вспоминал.

⁴³ Ален Делон и Клаудия Кардинале – тогда еще совсем молодые ребята, сыгравшие главные роли в Леопарде.

⁴⁴ Душещипательная ария (если прочитать перевод) Виолетты из оперы Верди “Травиата”. Героиня умирает от неизлечимой болезни именно тогда, когда судьба наконец окончательно соединила ее с возлюбленным.

ри дворца. Постучаться исключительно с целью поинтересоваться: может быть, я опоздал, и торжество уже в самом разгаре? Если это бал в стиле Леопарда – я ни на что не претендую. На мне нет ни фрака, ни манжетов. А если шутильная постановка Травиаты – почему бы, собственно, меня и не впустить? Сяду в уголке и не буду никому мешать. А если все же праздника нет? От этой мысли становилось так обидно, что букет благородного напитка, попадавшего на мой язык, превращался в какой-то веник из крапивы. А поскольку студенческий бюджет в этот вечер был уже потрачен на *torta paesana*, сгладить впечатление сырами не позволяла еще не задремавшая совесть.

Когда второй бокал был унесен камерьере, в голове промелькнула новая идея: ворваться вихрем в кажущиеся неприступными двери, схватить за фалды древнего как сам дворец портье (помнящего Лукино еще мальчиком) и закричать «*Tanti auguri, bellezza mia, tanti auguri!*»⁴⁵. Ну и, конечно, расцеловать по-нашему. Чтобы он потом до конца своих дней пересказывал за утренним эспрессо своим друзьям, таким же древним портье из соседних дворцов, что с ним произошло в ночь 110-летия маэстро.

⁴⁵ Поздравляю тебя, дорогой мой!

Таинственный потомок

Врываться и хватать никого не пришлось. Двери дворца сами растворились передо мной, но уже много времени спустя, когда туман неббиолы полностью улетучился из моей головы. Стоял солнечный, почти весенний день. Был я уже не в гордом одиночестве, а в компании своей младшей сестры, не столь страстной поклонницы творчества Висконти, но все же, по наущениям старшего брата, интересующейся. Она прибыла проведать меня из заснеженной России, видимо, по настоянию родителей, которых я в тот памятный вечер не применул творчески поздравить с днем рождения Лукино. Периодически прикладываясь к бокалу и снимая себя на камеру, я наизусть читал свой любимый монолог князя Фабрицио Ди Салина о том, что сицилийцы никогда не станут лучше, потому что считают себя совершенными, и их перестрелки и поножовщина – это стремление к одной лишь сладостной неподвижности, равносильной смерти, и тому подобное⁴⁶.

⁴⁶ Дабы не быть голословным, для любителей итальянского приведу монолог Князя дословно (выписывал сам): «Da noi ogni manifestazione, anche la più violenta, è un'aspirazione all'oblio. La nostra sensualità è desiderio di oblio. Le schioppettate e le coltellate nostre, desiderio di morte. La nostra pigrizia, la penetrante dolcezza dei nostri sorbetti, desiderio di immobilità voluttuosa, cioè ancora di morte. Voi avete ragione in tutto, tranne quando dite che i siciliani certo vorranno migliorare.

Итак, мы с сестрой проходили по улице моих ужинов мимо палатки Висконти и неожиданно обнаружили, что дверь внутрь была приоткрыта. Назвать это дверью, конечно, опрометчиво – это был скорее лаз для домашних животных, вырезанный в настоящей двери. Но подойдя ближе к этому лазу я понял, что он в точности соответствует моему, как я всегда считал, не маленькому росту. Сама же дверь, не открывавшаяся будто с начала XX века, наводила на мысль, что Висконти и его родня могли быть потомками библейских нефилимов⁴⁷. Если же нет, и они были похожи на нас, такие размеры определенно рассчитывались на въезжавших в палатку верхом.

Приоткрыт – значит открыт, вслух рассудила моя сестра, и, оглянувшись вокруг, посмотрела на меня красноречивым взглядом. Я мгновенно прочел его значение и взглянул на нее не менее красноречиво. Сестре пришлось принять к сведению примерно следующее: для того, чтобы пускаться в подобные авантюры, нужно знать местную специфику и хотя бы немного – законодательство. «Тебе, кажется, просто слабо, братик», – прочитал я в ответ и уже собирался изобразить очередную порцию возмущенного нравоучения, но сестра уже входила внутрь. Мне ничего не оставалось, как свернуть

Non vorranno mai migliorare perché si considerano perfetti. La vanità in loro è più forte della miseria».

⁴⁷ Легендарные люди-гиганты.

палитру эмоций на своем лице и ринуться за ней. Не так я, конечно, думал нанести свой визит графу, но времена, да и нравы диктовали свои условия.

Внутри нас встретила тишина, просторный атриум, окаймленный увитой зеленью колоннадой, и в противоположной от входа глубине – Афродита в тени барельефа. Откуда-то едва слышно доносилась сводка Миланской погоды на ближайшую неделю – *caldo, più caldo, ancora più caldo*⁴⁸. Можно было подумать, что кто-то играет в жмурки. Присмотревшись в направлении звука, мы увидели что-то на подобии застекленного кабинета. Так, видимо, выглядели каморки современных портье. И что вы думаете, он собственной персоной сидел к нам вполоборота и смотрел в свой телевизор образца 60–х, не замечая наших любопытных взоров на себе. Я с трудом подавил желание подбежать и обнять его как старого друга, но одумался и справедливо рассудил, что радость встречи можно и отложить.

Вообще, должен признаться, я часто практиковал подобные визиты в приоткрытые двери местных патио, манящих меня своей запретной красотой. Заходил, любовался, запрокинув голову, чтобы через несколько секунд услышать позади себя вежливый, но не предвещающий душевного разговора вопрос: “*Lei, cosa vuole?*”⁴⁹. Пару раз я отвечал, что со-

⁴⁸ Тепло, еще теплее, совсем жарко.

⁴⁹ Вам что, собственно, нужно?

бираюсь снимать здесь квартиру, но краснея от собственной неубедительности, криво-косо улыбнувшись, спешно покинул место своего обнаружения. Став более опытным, я в корне поменял тактику. Выдерживая королевскую паузу после подобного оклика, я не спеша поворачивался к вопрошающему и... улыбался ему. Но это уже была совсем иная улыбка, улыбка победителя, как бы говорившая: «все, что мне было интересно, я уже посмотрел, а ты опоздал». После этого, я не спеша направлялся мимо озадаченного служителя к выходу. Такая тактика позволяла сохранять достоинство обоим участникам события.

Но в этот раз (моя младшая сестра была в этом новичок, а новичкам, как известно, везёт), не замеченные моим другом-портье мы прошли в глубину великолепного внутреннего двора палаццо. Вдоволь помотав головой по сторонам, мы уже собирались выходить, как вдруг...

Я забыл отметить, что у меня в руках была тогда книга – одна из моих неизменных подруг на чужбине. Книга была красивая, толстая и о Висконти, сам он красовался прямо на ее обложке. ...Вдруг позади нас раздался вопрос, не столько располагающий к душевной беседе, сколько ее начинавший:

– О...Вы из России! Мы обернулись как на пожар. Перед нами стоял господин средних лет, безупречно одетый, с бронзовым загаром на лице и под белой шляпой. Не дождав-

шись нашего ответа, он продолжил:

– Да-да... Висконти – гений. Я, кстати, его потомок.

Наши глаза округлялись все больше, а у кого-то может и рот начал раскрываться, а господин, видимо, не ожидая иной реакции, снова продолжил:

– Ну вообще-то там две ветви, да (тут он назвал их). Так вот я из второй. У меня фамилия поэтому двойная (и он назвал фамилию).

Наконец кто-то из нас сестрой смог выговорить первые звуки, сложившиеся в слова:

– А здесь?...

– А здесь да, теперь, все по-другому.

На мой вопрос:

– А Вы?... – тут же последовал ответ:

– Нет-нет, я здесь не живу. Здесь теперь фирма, понимаете, а Висконти рос воон там (он махнул рукой на верхние этажи)... да, конечно, гений... Леопард! Конечно! Великолепная картина. Все костюмы настоящие!

Ума не приложу, что побудило нашего таинственного собеседника заговорить о моем любимом фильме Висконти – он видимо читал наши мысли.

– Мы очень... – начала в очередной раз сестра, уже без надежды закончить мысль.

– Конечно, можете! Но Вам нужно позвонить в фирму. Экскурсия вряд ли, а вот какое-нибудь мероприятие... О, извините, мне нужно бежать.

На этих словах он развернулся и скрылся. В том самом лазу, через который мы и пролезли внутрь. Видимо, он его и оставил приоткрытым, забежав в родовое гнездо по дороге забрать какую-нибудь фамильную ценность. Мы некоторое время стояли, пытаясь переварить произошедшее.

Его несколько не смутило пребывание на частной территории его предков двух лопоухих русских, которых он таинственным образом распознал с первого взгляда. Он даже не намекнул нам, что хорошо бы выйти. Портье, сначала вышедшей посмотреть, что за разговор завязался на патио, сейчас вновь сидел, уставившись в свой экран, не обращая на нас никакого внимания. Все это пахивало какой-то фантазмагорией.

Но вдруг один вопрос вспыхнул у меня в голове как дальний свет, перекрыв все остальные. Я посмотрел на сестру, а она на меня – словом, мы уставились друг на друга: на каком языке этот таинственный отпрыск венценосного рода с нами говорил перед тем, как исчез? Свободном русском...? Но профессор славистики в моем старинном университете так не обращался с великим и могучим. Акцент, кажется, был, но это только подтверждало, что он все-таки итальянец.

Мы не стали злоупотреблять мистическим гостеприимством и, еще раз помотав головами по сторонам, вышли. По дороге домой я пытался разрешить эту загадку. Как мог проникнуть язык Толстого в вотчину языка Данте, да еще и с фамилией Висконти. Едва ли это были марксистские убеж-

дения самого Лукино. В стране с христианско–демократической партией у руля даже самый яростный коммунист, не стесняясь своих убеждений, мог владеть парочкой фамильных замков с конезаводом в придачу и снимать фильмы так, как ему заблагорассудится, лишь бы денег хватало. Что делали с христианами–демократами и плодами их творчества в коммунистической России, дорогой читатель прекрасно знает. Поэтому вряд ли коммунист Висконти стремился сблизиться с товарищами за кордоном.

Может, преклонение режиссера перед гением Достоевского и непрестанные грезы о Раскольникове? Но Достоевский универсален, это знают все. И Марчелло Матроянни, которого режиссер преобразил в одинокого мечтателя из Белых Ночей, – лучшее тому подтверждение. Была еще дружба с легендарной Анной Павловой. Но Павлова – это воплощенный язык жестов, язык тела, доведенный до совершенства. Кроме того, великая балерина прекрасно владела английским... да и дружила больше, кажется, с Чарли Чаплиным.

Оставалось одно – русская прабабушка, бежавшая с фамильными ценностями от большевиков откуда-нибудь из Смоленска. Ну, конечно! Я всегда это подозревал и теперь убедился окончательно – в режиссере Леопарда текла русская кровь! Это и породнило московского студента и миланского графа. Сестре я этого, конечно же, не сказал, а то еще загордится, чего доброго.

Почти конец...

Поздравляю тебя, дорогой читатель. Ты практически добрался до конца этой странной книги. Это удивительно, и я даже подумал... раз уж ты терпел меня с моей странной пунктуацией все это время – тебе ничего не стоит потерпеть еще немного. Признаюсь честно: как следующая глава затесалась в эту книгу – знает только заведующий того места, куда Данте с Вергилием угодили первым делом после сумрачного леса.

Вряд ли кому-нибудь когда-нибудь могло прийти в голову назвать Неаполь пригородом Милана. Тем более, что подобные заявления в Италии равносильны *casus belli*⁵⁰ для гражданской войны. Поэтому да простит читатель автору его последний фортель и очередное, на этот раз бесповоротное отклонение от обещанного маршрута.

Как плохие гиды приводят нас в конце вялой, наполненной штампами экскурсии в безликое и безвкусное кафе, в которое мы бы сели и без них, так я, вконец спутав маршруты по Милану, привел тебя, дорогой читатель, в Неаполь.

При всей нашей пламенной любви к другим итальянским городам: кто не мечтал в Милане о Неаполе – тот не меч-

⁵⁰ Предлог.

тал в России об Италии. Невозможно представить двух более непохожих друг на друга городов. Они как полюсы в итальянском мироздании, итальянском универсуме. А какой автор не желает, чтобы его труд пополнил плеяду “универсальных” книг. Вот и автор этих строк в погоне за своим честолюбием совершает бегство под небо потеплее и к краскам поярче – поверь, заключительное. Следовать за ним или нет – решать тебе, дорогой читатель.

Северянин в Неаполе

Нужно сказать, что о криминалитете в Неаполе я был слышан от своих заботливых друзей с юга гораздо более, нежели об его великолепной истории и драгоценном наследии. Но рассказы «знающих» людей про каморру и прочие неаполитанские страсти неизменно вызывали во мне мысли довольно практического характера. Я представлял возможную встречу, и здесь появлялись логичные вопросы: «А зачем, собственно, я им нужен?», – или на крайний случай, – «А что, собственно, они мне могут сделать?». Времена уличных «*risse e coltellate*»⁵¹, рассуждал я далее, канули в прошлое, а если и не канули, то для них все-таки нужна уважительная причина: будь то толстый кошелек, черноволосая «*ragazza bella*» или же оскорбление кого-то из членов «*la famiglia*». Моих домашних в Неаполе вряд ли кто знает, красавица все равно в Россию не поедет, даже из-за большого и чистой любви – остается один кошелек.

Поэтому по прибытии на Неаполитанский вокзал (в пределах которого, как мне казалось, еще должен действовать общеевропейский уголовный кодекс), я отыскал камеру хранения и оставил в ней все свои самые ценные вещи. Тем, кто

⁵¹ Драки и поножовщина.

сейчас незаметно посмеивается, скажу, что все же несколько бумажек и пара монет были мною уложены в карманы, но так, чтобы их присутствие выглядело как абсолютное отсутствие. Отложив таким образом всякое мирское попечение, готовый к любому повороту сюжета, я, что называется, бросился с головой в бурлящую толпу самого беспечного города земли под спящим небом Кампании⁵².

Подойдя к пешеходному переходу через проспект, огибающий центральный вокзал, и внимательно присмотревшись к движению на нем, я вдруг понял, что сигнал светофора здесь никого особенно не волновал. Автомобили неслись на пределе возможностей моторов (судя по звуку, давно отработавших свои гарантийные сроки), визжа стертыми колодками, когда их путь судорожно пересекали туристы, отчаявшиеся поймать удобный момент для перехода дороги. За визгом колонок немедленно следовал гром проклятий из открытого окна автомобиля. Туристы, видимо, понимая, что отступать поздно, лишь ускоряли под эти проклятия свой судорожный бег. Некоторые из них откликались своими, родными сердцу эпитетами, да и то с тем лишь, чтобы сохранить свое иностранное достоинство.

Но когда дорогу переходил местный – картина в корне менялась. С ужасающим спокойствием он преодолевал опас-

⁵² Выражение не мое, а, кажется, великого Павла Павловича Муратова из «Образы Италии».

нейшие места на проспекте, а машины с их визгом волновали его так же, как мухи южно–итальянского kota во время знаменитого *pisolino*⁵³. На крики автомобилистов в качестве ответа либо сыпался похожий по корням набор выражений, либо (что представилось мне наиболее интересным) звучало одно–единственное флегматичное, но, судя по всему, очень крепкое слово, после которого брань непонятным образом сразу стихала.

Приблизившись к точке невозврата у пешеходного перехода, где скопилось множество туристов, я заметил в некотором отдалении, на самой середине проспекта регулировщика. В этот момент он так был увлечен выяснением не то отношений, не то разбором тонкостей из местных ПДД с одним из гонщиков, что не слышал ни воззваний к закону со стороны туристов, ни визга угрожающих их жизни шин. Меня такая обстановка даже вдохновила, это было своего рода квестом – добраться до противоположного края проспекта целым и без шлейфа из отборных неаполитанских выражений. Память по каким-то причинам умалчивает как, но квест был пройден – иначе не писать мне эти строки.

Оказавшись живым по ту сторону Стикса, я углубился, как принято говорить, в старый город, который по мне выглядит моложавее своих куда менее древних соседей – уны-

⁵³ Неаполитанский вариант сиесты, по моим данным ничем от нее не отличающийся.

лых спальных районов. Оглядываясь на те времена, я сознаю, что в одиночестве твое чувство самосохранения работает в совершенно особом, некоем эконо-режиме, позволяющем, а иногда даже сподвигаящем тебя на довольно рискованные поступки. То ли уверенность в скорости своих двух, то ли понимание, что эти времена рано или поздно закончатся – в любом случае все, что заставляет семьянина или кавалера с дамой внутренне напрягаться, в юноше, предоставленном самому себе, вызывает напротив – какой-то спортивный интерес.

После проспекта спортивный интерес для меня стали представлять самые неприглядные на вид и густые на запах улицы и переулки. Остановившись на перекрестках, я оценивал каждое из предложенных направлений и с каким-то внутренним зудом направлялся в наиболее темную, узкую и вдобавок старательно выкрашенную местными ваятелями улицу.

Нет на свете более древнего и в то же время более современного, не побоюсь этого слова, искусства. Трудно найти более независимое и одновременно стесненное своими недоброжелателями творчество. Его зрителями становятся в основном местные или редкий турист, в трепете отыскивающий свой двухзвездочный отель в этих забытых муниципалитетом районах. При виде подобных произведений во мне появлялось сильное желание увидеть их творцов за работой. Они, как мне представлялось, вынуждены творить, постоян-

но оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к шагам или
шинам местных блюстителей порядка, которые, как это не
обидно, не сознают вполне ни ценности, ни социальной зна-
чимости этого явления – граффити.

И снова к Неаполю

Пропетляв сквозь добрую дюжину подобных улиц, я остался с некоторым чувством разочарованности: встречи с мафией не произошло. На меня даже не вылили помои с верхних этажей почерневших от времени домов. Вместо этого, однако, я получил на макушку несколько капель прохлады, всегда желаемой в летний зной. Виной тому было домашнее белье, обильно развешенное по всей ширине узких улиц.

Я нисколько не обиделся, поскольку считаю, что использовать для сушки белья такие бранные приспособления как батареи или, еще хуже, электрическую сушилку, вместо присносущего дуновения теплого *ronente*⁵⁴ было бы так же кощунственно, как и расточительно.

Однако я подумал о замечательной иронии того, что на моем месте

мог оказаться чопорный господин, приехавший в южную столицу с целью снять с помощью своего бездонного банковского аккаунта, так сказать, самые сливки местной культуры: полюбоваться величием Везувия, оценить сохранность Помпей, составить мнение о сокровищах Геркуланума или посидеть в партере дедушки Сан-Карло⁵⁵. Жарким вечером

⁵⁴ Средиземноморский ветер – по-нашему «зефир».

⁵⁵ Старейший оперный театр Европы. Год основания, если Википедия не об-

он прибудет в старый город, с холодным расчетом отыскать скромный ресторанчик, где по преданию родилась та самая, давно порезанная на весь мир, неаполитанская пицца. Покинув такси-лимузин заранее, с желанием продефилировать несколько шагов по старинной улочке, наш господин вдруг попадет под прохладный дождь среди ясного неба. Этот «дождь» редкими каплями прольется на его лысину и костюм от Cesare Attolini⁵⁶, приобретенный здесь же, со свежевывстиранных семейников какого-нибудь угрюмого manovale⁵⁷, недавно вернувшегося с работы, и здесь же, в траттории за углом, угрюмо потягивающего свое пиво. Последний никогда не узнает, а первый, может быть, так и не поймет, что произошло, но именно в этот момент, я уверен, где-то высоко–высоко вселенские весы качнутся на несколько дюймов в сторону мировой справедливости и всеобщего благоденствия.

В этих сохнувших семейниках, простынях и ночнушках, вывешенных на всеобщее обозрение, заключено какое-то особое гостеприимство местного люда по отношению к стекающимся со всего света ценителям неаполитанского колорита. Где, как не здесь, вспомнить о настоящем багрянородном принце, появившимся на свет в одном из самых нищих

манывает, – 1737 г.

⁵⁶ Сам не заходил (хотя «зайти» бы и мог), но, говорят, лучшее ателье в Неаполе и за его пределами. Работают, к слову, с Соррентино, одевая его соответствующих героев.

⁵⁷ Чернорабочий.

кварталов этого города, величайшим комиком своего времени, поэтом, музыкантом, меценатом и просто легендой Неаполя, да и всей Италии. Позвольте представить...

...Антонио Де Куртиз

Если кто-то из уважаемых читателей не узнал с ходу, о ком речь, проявите немного терпения, и мы назовем его полное имя. Среди переулков не очень благополучного, а проще говоря – бандитского района Sanità (что по удивительной иронии переводится как здравоохранение или санитария), сейчас трудно отыскать улицу, где он был рожден, да и совсем не безопасно. А если все же отыщите – не обольщайтесь. Вы не найдете здесь ни новомодного музея с аутентичным реквизитом из его бесчисленных фильмов, ни дорогого ресторана его имени, ни даже кафе, где можно было бы отведать кофе именно таким, каким предпочитал его маэстро. Отрадно одно – с 15 февраля 1898 года, когда маленький Антонио впервые огласил обшарпанную улицу с одним из бесчисленных имен Богородицы⁵⁸ своим пронзительным неаполитанским криком, и соседи, высыпав на балконы, стали отпускать, перекрикивая ребенка, свои смачные поздравления матери – дородной, гордой и в то время одинокой женщине, – она, эта улица, нисколько не изменилась (да простит мне это наблюдение местный муниципалитет).

⁵⁸ Опять же для любителей (или знатоков) точное название улицы: Via Santa Maria Antesaecula. Перевод может привести нас к спорам религиозного характера, поэтому те, кому надо – пусть переведут сами.

Ее обшарпанные стены и ржавые балконы были свидетелями незавидного детства ребенка, безотцовщины, насмешек и побоев от сверстников, очевидно не признававших художественной ценности его пародий на себя. Был бы отец Антонио более ответственным человеком, мальчик рос бы в каком-нибудь римском палаццо с непомерным штатом прислуги и гувернеров. Родись он на несколько сотен лет раньше – он мог бы править этим народом... Но судьба распорядилась иначе, и будущий Антонио Гриффо Фокас Флавио Дукас Комнено Порфирородный Гальярди де Куртиз Византийский, Его Императорское Высочество, Герцог Палатинский, Рыцарь Священной Римской Империи, Наместник Равеннский, Граф Македонский и Иллирийский, Князь Константинопольский, Киликийский (не устали еще?), Фесалийский, Понтийский, Молдавский, Дарданийский, Пелопоннесский, Герцог Кипрский и Эпирский, Герцог и Граф Дривастский и Дураззский⁵⁹..., а для друзей просто Totò, он стал властителем нового искусства, захватывавшего мир куда быстрее, чем любая империя – кинематографа. В то время, как мать прочила сыну священнический сан, а родовитый отец где-то постигал всю степень ответственности отцовства, Totò уже связал свою жизнь со сценой неразрешимыми узами брака. Когда же, вразумившись и признав сына, родитель почил, слава новоиспеченного наследника уже пе-

⁵⁹ Это (без шуток) его полный титул. Проверено мною лично в авторитетных источниках.

рекрыла своим блеском свалившуюся на него родословную, а фильмы с его участием с лихвой перевесили все полученные им титулы. Великий Чаплин творил за океаном, а Totò – здесь, в доставшейся ему в наследство Европе. Сам Висконти, у которого и список титулов был все же покороче, всецело признавал художественные заслуги потомка Византийских императоров.

Как это часто случается, на долю самого Антонио выпало немного личного счастья. Женщины, решая, что их сердце разбито, писали ему пламенные письма и умирали⁶⁰. Единственный брак, едва заключившись, вскоре распался, но бывшие супруги продолжали жить под одной крышей ради дочери. Наконец, единственный сын, едва родившись (уже у другой женщины – последней музы актера), отошел в мир иной. В память о нем Totò всю оставшуюся жизнь навещал детей–сирот, не забывая переводить в детдома огромные суммы. Что до остальных людей – принц Антонио, знавший лучше многих, что такое нищета, искрометно обличал общество, ее породившее, в своем творчестве и боролся с ней весом своего кошелька в жизни.

Другими созданиями, попавшими в фавор князя, стали бездомные собаки, для которых он отстроил собачий питомник, объясняя свою слабость тем, что люди способны на пре-

⁶⁰ Речь о печально известной судьбе Лилианы Кастаньола, покончившей с собой после разрыва с Totò. После трагедии актер пребывал в глубокой депрессии и долго не выходил на сцену.

дательство, собака – никогда.

Список фильмов с его участием едва не перевалил за сотню, но сцена, с подмостков которой он начинал свой творческий путь, никогда его не отпускала. Его преданность стоила ему зрения: предположительно из-за яркого света софитов и огней рампы к концу жизни актер практически полностью ослеп. Окончил свой жизненный путь Антонио ди Куртиз, сетуя, что так и не смог воплотить в своем искусстве все возможности, которые дала ему та самая сцена. Родившись на 9 лет позже Чаплина, с которым их так много необъяснимым образом роднило, умер Totò на 10 лет раньше его, в возрасте 69 лет.

Уходил великий комик национальным героем. Вопреки его желанию почтить тихо и без лишних слез, Италия хоронила его 3 раза. Один раз в Риме и два в Неаполе. Когда в Милане умирал Верди, мостовые города были застланы сеном, чтобы дробь колес экипажей не беспокоила маэстро. Неаполитанцы пошли дальше: встречая тело своего любимца, они перекрыли все улицы. Город замер на несколько часов: магазины и прилавки закрылись, на всех окнах висели знаки траура, тысячи и тысячи неаполитанцев вышли на улицы, чтобы проводить Totò в последний путь. Третьи же похороны организовал сарогуарро – своеобразная глава того самого бандитского района, где Антонио появился на свет. Несмотря на то, что гроб был по понятным причинам пуст, процессия

собралась не меньше предыдущих.

Однако опрометчиво упрекать (да и небезопасно) самих неаполитанцев в забывчивости. Народ, в среде которого рос великий комик, не позабыл его. Свидетельством тому служит портрет Totò, что красуется на углу его родного дома, выполненный тем самым безымянным мастером, для которого город – это холст, а краски – сама жизнь. И теперь флегматичная гримаса *principe della risata*⁶¹, соседствует с не менее флегматичным поломанным дорожным знаком, посыл которого едва ли ясен. Тут же по соседству примостились переполненные мусором контейнеры, роскошью нашего времени, свидетелем которой Антонио, думается, стать не успел. Пройдя дальше, вы найдете прилавок с его портретами на майках, магнитами на холодильник и фигурками – свидетельство, что хоть кому-то дорога память об актере не только в символическом, но и вполне материальном смысле.

Многоуважаемым читателям может показаться, что и здесь нет пророка в своем отечестве. В оправдание отечества, а скорее в свое, спешу заметить, что может быть, обнаруженная мной на стене дома, (заботливо спрятанная в файл от дождя и вандалов) бумажка с именем Totò и стрелкой все же ведет в тот самый, скрытый от глаз непосвященных музей, посвященный великому комику. Но утверждать не берусь, поскольку сам не видел.

⁶¹ Король смеха, а точнее хохота.

Время соборов

Но возвратимся к петляющей среди неаполитанских закоулков стезе московского студента, выбравшегося наконец на одну из тех небольших площадей, что лежат словно нечаянно оброненные монеты на мостовых старого города. Здесь на площади, после мрака узких улиц, тебя ослепляет свет, подобный вспышке в первые доли секунды ядерного распада. Не дожидаясь окончания реакции, ты устремляешься к огромному собору, выходящему на площадь и похожего на великана, забывшегося тяжелым сном в зное южного полудня.

Я любил эти соборы. Но любил не за их роскошь и монументальность, а за их «оставленность». Эмигрантская тоска, которую я обычно примерял на себя по возвращении с родины на очередные несколько месяцев учебы, влекла меня в тихие, забытые людьми места, где можно в полной мере предаться грустным мыслям о далекой родине. Дважды побродив на городском кладбище среди мрачных усыпальниц миланской знати (некоторые из которых достигали размеров загородных домов средне-зажиточных и еще живых семей), я решил, что этого вполне достаточно для человека, не склонного к «тафофилии», и больше знать не навещал. Теперь местом моих уединений стали соборы. Тешу себя на-

деждой, что подобная симпатия к соборам ничем похожим на что-то-филию еще не названа.

Их история, уходящая своими корнями вглубь веков, по сути, никому давно не нужна. Старые, поседевшие уже тогда, когда наш сегодняшний мир с его раздраем и избыточностью еще только зарождался, сейчас они флегматично наблюдают его закат. Каменные глыбы, врезанные посреди города в земную кору еще на добрые сотни поколений, они напоминают окаменевшие останки динозавров. Может быть, они и заинтересовали бы кого-нибудь, сохранившего свежесть восприятия, если бы историк–умелец нарастил на эти останки живую плоть эпохи, их создавшей (как художник, давая волю своему дару и воображению, наращивает на двух-трех осколках ископаемой челюсти – не факт, что челюсти – огромного, разноцветного, с лютым оскалом и взглядом убийцы какого-нибудь герреразавра).

Но живое прошлое, давно разделанное на клише и эмблемы, нас интересует гораздо меньше, чем тревожное будущее, и свидетелям этого прошлого остается своим немым упреком мозолить глаза современным градостроителям и урбанистам. Соборы в Европе, слава Богу, нельзя снести, нельзя перестроить. Без них немислима европейская культура. И ни один европеец не видит себя без этих великанов прошлого, как бы обильно он ни был пропитан равнодушием к своим

истокам⁶². Но равнодушие сгинет, обратится в небытие, а эти титаны будут стоять как прежде, самодостаточные и вневременные, как божества.

К этим старикам хочется припасть головой, прижаться щекой к их холодным стенам, прислушаться к их тишине и, сосредоточившись, вырваться из слепой погони за будущим. А вырвавшись, попытаться сцедить из своей души хоть каплю благодарности. Благодарности за постоянство и незыблемость. Дух Божий, как известно, обитает среди молящихся, среди людей. Опустевшим соборам остается хранить лишь дух времени. Что они и делают из века в век.

Кто осмелится судить о церковной жизни западных христиан в стране, где до цитадели могучего папства (еще держащего в религиозном тоне всю Европу, а за ней и Новый свет), кажется, рукой подать? Мощь и великолепие его соборов говорят лучше любых цифр в Википедии. Но тихие мессы, на которых мне тоже приходилось бывать, казались мне, иностранцу, случайными гостями под этими вековечными сводами. Как редкие из правнуков заходят изредка навестить своего прадедушку в его седом одиночестве. Посидят рядом, не сознавая, каким ликованием они наполняют сердце старика, подержат его дрожащую руку в своих мо-

⁶² Чтобы не потерять своих последних итальянских друзей, оговорюсь: разумеется, эта болезнь коснулась не только европейцев (мы не меньше этим грешим) и, разумеется, не всех.

лодых руках и убегут, чмокнув на прощание морщинистый лоб. А старик, который уже давно не в состоянии гнаться за круговертью жизни и добровольно сошел на одной из остановок, снова будет наедине с самим собой, со своим прошлым. И время вновь остановится до следующего визита неуловимой жизни.

Полдень в соборе

Ощущение, посетившее меня тогда, в затерявшемся среди потрепанной паутины неаполитанских улиц соборе, до сих пор возвращается ко мне. Тот собор именно «затерялся», несмотря на свои огромные размеры и даже наличие площади перед собой. Дело в том, что впоследствии, прибыв на родину, я силился отыскать его вновь по картам, но безуспешно. Великан будто исчез, стоило мне покинуть его своды, поднялся над городом, спутав под собой улицы и переулки, к нему выходившие, чтобы раствориться в дымчатой синеве южного неба.

Но пока все было на месте. Жара стояла поистине неаполитанская. Иссушенные бесцеремонной близостью солнца дворы, растения, площади сливались в одну ослепительную картину, название которой «Летний полдень в Неаполе». Путника здесь посещает незнакомое для сынов севера странное чувство единения со всем окружающим миром, как будто все и вся находится на одной огромной сковороде, и рано или поздно, всех ждет один конец.

С робким желанием отсрочить хоть немного свой конец, нетвердым шагом направляешь свои стопы к спасительным сводам этого загадочного собора.

Едва перешагнув порог, тут же опускаешь пальцы в теп-

люю воду кропильницы, чтобы приложить их ко лбу и совершить крестное знамение. Эта древняя как римский папа традиция, сразу же отделяла случайно забредших туристов, не знающих уже, на что посмотреть, от верных сынов римско-католической церкви. Не судите строго, но Ваш покорный слуга всегда предпочитал туристической неприкаянности слияние с местной, не такой уж далекой от нас культурой.

Но едва коснувшись своего лба, я вдруг понял, что в соборе никого нет, то есть вообще никого. Капли воды, сорвавшиеся с моих пальцев в чашу, отдались едва слышной каплей высоко в темных сводах. Меня посетило странное ощущение, что сюда никто не заходил уже месяцы, а может быть и годы... Переведя дыхание, я осмотрелся. Темные даже в редких лучах фрески никому не известных мастеров из какого-нибудь сеттеченто пристально смотрели на меня едва различимыми ликами святых с некоторым недоумением. Я будто потревожил их покой. «Тише, раз уж пришел!», – будто говорили они. Обычно отгороженные почтительным расстоянием от назойливой публики в церквях Рима и Флоренции, подсвеченные со всех сторон искусственным светом, снабженные табличками, разъясняющими интересующимся суть происходящего – здесь между тобой и ими не было ни одного рукотворного барьера. Можно было подойти и в упор рассматривать мазки, которые были «freschi⁶³» всего каких-то триста–четыреста лет назад, ошупывать их и даже пробовать

⁶³ Фрески – дословно «свежие».

на вкус. Видимо, пытливые натуры, забредавшие сюда с периодичностью в несколько лет, так и делали, поскольку трещины, сколы и потертости были видны повсюду. Та ветхость и запустение, в которых пребывали эти произведения искусства, привела даже меня, выращенного в России 90-х годов, в недоумение! Может быть сейчас, где-то далеко, на крайнем севере, в Московском Государственном Университете, ребята с соседнего отделения посвящают этим фрескам свои дипломы и диссертации, а здесь... Возникший в голове вопрос «Собирались ли их реставрировать?» тут же уступил место другому, куда более прямолинейному: «Помнил ли кто-нибудь об их существовании вообще?». Где-то храмы взрывали, где аккуратно разбирали, а где-то про них забывают. Что все-таки лучше, поскольку нет-нет, да и появится в одном из поколений чудак, который вспомнит об их существовании.

Но сейчас здесь был один я. То есть почти один. Необъяснимое ощущение присутствия кого-то или чего-то где-то поблизости не покидало меня ни на секунду. Я двинулся вглубь, стараясь как можно тише наступать на огромные плиты под внимательными взглядами святых. Продвигаясь очень медленно, я всматривался в сумрак сводов, где уже сотни лет не бывал солнечный свет, и вдруг совершенно отчетливо почувствовал «ее» прямо над собой.

Она беззвучно проводила здесь день за днем, год за годом, век за веком, тревожно наблюдая за миром в узкие проемы

витражей. Она понимала, что стоит ей переступить порог собора, показаться в дверях – свет от нее не оставит и следа. Еще больше ее беспокоили самоуверенные и наглые лучи, эти посланники света, проникнувшие сквозь витражи в ее владения и не собиравшиеся их покидать до самого захода, когда их призовут, чтобы до времени оставить Неаполь. Покинут, чтобы на следующий день с новой силой осаждать вековые стены собора, за которыми она прячется. Я провел рукой по лбу и почувствовал, что рука стала влажной. Тень не давала обещанной прохлады. Она даже робела подарить хоть немного свежести заходящим внутрь и вступить таким образом в конфликт с бесчинствующими снаружи светом и зноем. Как будто не уверенная в неприступности своих рубежей, она, очевидно, боялась последствий за проявленное милосердие к тем, кто пересек порог ее обители, спасаясь от властелинов неаполитанского дня. Ее бесконечный страх и тревога тяготили мою впечатлительную натуру, и мне захотелось поскорее покинуть ее обиталище. Я двинулся к противоположному выходу, где света было заметно больше.

И на этот раз я увидел его. Он мирно спал, сидя на стуле у приоткрытой двери. Конечно же! Ни один собор, даже самый заброшенный, не может обойтись без него. Даже когда вам кажется, что вы остались наедине с фресками и своей совестью, он незримо присутствует где-то рядом, будь то каморка в алтарном нефе или просто стул при боковом входе. Это был кустодий, хранитель собора или совсем по-про-

сто му – сторож. У музея – смотритель, у леса – лесник, а у храма – кустодий. Стул моего кустодия стоял, как я сообразил, на выверенном годами месте: под каким бы углом палящие лучи не проникали в довольно широкую щель, стул и его хозяин оставались в спасительном полумраке. В то же время легкий ветерок, рождающийся где-то на границе света и тени, заботился, чтобы полуденный *pisolino* хранителя был плодотворным и целебным.

Удивительная профессия, думал я, наблюдая, как он старательно посапывает, скрестив на груди руки. Тебя обязывают сторожить прошлое. И этот огромный собор, под сводами которого ты коротаешь свои рабочие будни, препоручен только тебе. Его стены столько видели, столько слышали, а теперь они молчат. Молчишь и ты. Потому что говорить вам особенно не о чем – вы знаете друг о друге все. Собор давно знает, что большую часть рабочего времени ты спишь, а для тебя не секрет, что он тоже время от времени подремывает. Ты и не замечаешь, как медленно становишься частью его, а затем и частью уходящего прошлого. Тихого и прекрасного.

«Работа мечты», – решил я, осторожно открывая старинную дверь – так, чтобы не потревожить двух спящих друзей и их боязливую подругу, и наконец выходя на свет.

Конец окончательный.